

Огонёк

№ 11 Март 1944 год

На фронте и в тылу

Красноармеец Жумангалей Шукшумбаев отличился в бою при прорыве вражеского оборонительного рубежа. Несмотря на ранение, он первым ворвался в немецкие траншеи. Двумя гранатами и очередью из автомата он уничтожил 13 гитлеровцев. Красноармеец Шукшумбаев награждён орденом Славы III степени.

На самолёте гвардии старшего лейтенанта Н. Ф. Денчикова нарисованы 13 звёздочек — по числу сбитых им лично фашистских самолётов. Ещё 6 немецких самолётов сбиты им в групповых боях. Отважный лётчик награждён двумя орденами Красного знамени и орденом Отечественной войны I степени.

Лауреат Сталинской премии сталевар Александр Яковлевич Чалков — мастер скоростных плавок Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина. В 1943 году он выдал сверх плана 3 тысячи тонн стали и в нынешнем году продолжает удерживать первенство по заводу.

В одном только бою пулёмётчик старшина Яков Степанович Студённых уничтожил 300 немцев. Ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза. На снимке: старшина Студённых (справа) обучает сержанта И. А. Лобачёва стрельбе из пулемёта.

Недавно представитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии в торжественной обстановке передал 5-ской гвардейской части танковую колонну «Давид Сасунский», построенную на средства армянского народа.

Сёстры-партизанки Клава и Аня Ройан в течение полутора лет активно работали в партизанском отряде «Криворожье» в качестве разведчиков и проводников. Клавдия — 16 лет. Аня — 21 год. Юные партизанки собирали в Кривом Роге ценные сведения о немцах, держали связь между отрядом и частями Красной Армии, потайными дорогами выводили партизан на боевые операции. Сёстры были пойманы немцами и приговорены к расстрелу, но им удалось вырваться из фашистского плена.

Алексей Тараканов — командир партизанского полка. Его полк участвовал в 28 боях с немецкими оккупантами. Только в одном бою была истреблена тысяча гитлеровцев, подбиты самолёт, три танка и пять автомашин. Алексею Тараканову присвоено звание Героя Советского Союза.

ЛЕНИНГРАДСКИМ ПАРТИЗАНАМ СЛАВА!

Нина Зверева — славная автоматчица и разведчица 5-й партизанской бригады. Награждена медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» и «За оборону Ленинграда».

Командир 5-й партизанской бригады Константин Каричкий. Под его руководством число боёв бригады выросло с 300 до 6.000. Партизаны нанесли тяжёлые удары немцам в районе Витебской и Варшавской железных дорог. Тов. Каричкому присвоено звание Героя Советского Союза.

Комсомолец Алексей Барinov (слева) — разведчик. За два с половиной года пребывания в партизанском отряде проявил себя мужественным и смелым бойцом. Награждён медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» и «За оборону Ленинграда». В. Цыганков (справа) — начальник штаба отряда 5-й бригады. За полтора месяца отряд разгромил 4 немецких гарнизона, уничтожил около 300 гитлеровцев, пустил под откос 10 вражеских эшелонов.

Санитарка комсомольца Л. Алексеева. Вынесла с поля боя около 40 раненых партизан. В немецком тылу она спасла жизнь нескольким советским военнопленным, укрыв их от немцев и организовав их побег.

Партизан Витя Шиллов (слева) — смелый разведчик 5-й партизанской бригады. Михаил Иванов (справа) — помощник командира партизанской бригады по комсомольской работе. На его личном счету 39 уничтоженных гитлеровцев. Пустил под откос вражеский эшелон и захватил немецкую штабную машину. Михаил Иванов награждён орденом Красного знамени и медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» и «За оборону Ленинграда».

ПО СЛЕДАМ ОТСТУПАЮЩЕГО ВРАГА

Репортаж специального корреспондента
«Огонька» Б. Репина

1-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ

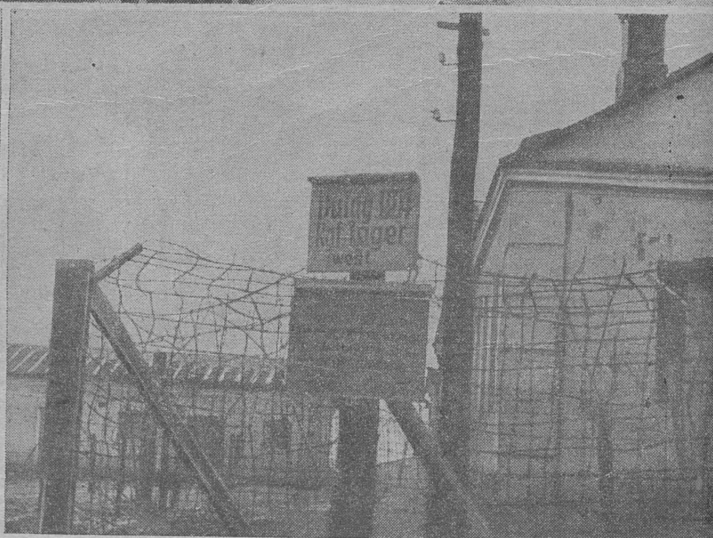

Улицы освобождённого Проскурова завалены немецкой техникой. Немцы бросили в городе много танков, самоходных орудий, автомашин, склады со снарядами и бомбами, бочки с горючим. Только на одной улице возле вокзала наши бойцы обнаружили пять немецких танков и самоходных пушек. На первых трёх снимках показаны улицы Проскурова с трофейными автомашинами, танками и складами.

Город Проскуров, крупный железнодорожный узел и сильный опорный пункт обороны немцев, был взят нашими войсками после упорных боёв. Немцы яростно сопротивлялись. На узких участках фронта они предпринимали яростные контратаки, бросая в бой по 80—100 танков. Но все усилия врага были напрасны. Войска 1-го Украинского фронта, несмотря на распутицу, упорно взламывали оборону противника, отрезали ему пути отхода и преследовали разбитые немецкие части.

Дороги, ведущие на Проскуров, и вся местность несут следы разгрома вражеских дивизий: подбитые танки и самоходные пушки, брошенные орудия, склады с боеприпасами и множество трупов немецких солдат и офицеров.

На снимке слева: ящики со снарядами. Немцы собирались их увезти, но не успели. На снимке справа: лагерь для советских военнопленных в Проскурове. Здесь в ужасающих условиях содержались бойцы и гражданское население. Тысячи советских людей погибли от голода, холода и болезней.

НАДЕЙКА

Дмитрий Осип

Рассказ

Рисунок В. Шатилова

1

Когда немцы вернулись в комнату, Надейка сразу заметила, что они скоро уйдут.

Карл сел и торопливо начал переобуваться. Низенький, толстенький Гельмут стал собирать свой мешок, отбрасывая пустые разноцветные коробочки, банки из-под сладкого молока, стреляные патронные гильзы.

Бабка Чайка стояла у порога, сцепив руки под передником, и молча глядела на немцев.

Когда Карл кончил переобуваться, они с Гельмутом стали надевать мешки, помогая друг другу и перебиваясь. Затем они разобрали ружья, пощёлкивали затворами. Карл пинком отворил дверь и, не оглядываясь, шагнул на крыльцо.

Гельмут пошёл за ним, но в сенцах что-то вспомнил, вернулся и, подхватив сипенную жесткую коробочку с подоконника, затворился.

Чайка спросила, куда они так ропяются и будут ли обратно. Но ей хотелось узнать совсем не об этом. Дня три назад Матвей Травкин, староста, объявил людям, чтобы они собирались в Германию и сушили сухари. А теперь выходило по-другому.

Гельмут озабоченно глянул в непроглядные глаза старухи, наклонился к Надейке, боднул её каменным пальцем и сказал:

— Пук-пук тебе, Надюка!

Он хотел ещё что-то сказать им, объяснить, но Карл поведительно окликнул его с крыльца, и Гельмут суетливо и испуганно кинулся за ним, даже не закрыв двери.

— Уходят, — огляделась Чайка. — И даже двери не закрыли, ироды. Значит, совсем!

Она взяла веник и стала подметать пол. Надейка выбрала себе две цветных коробочки. Вдруг хлопнула щёлка, и среди дня с линии пришла мать. Платок сбился у неё с головы, волосы растрепались.

— Вы дома ещё? — обрадовавшись, спросила она. — А нам уж невеста чего наговорили...

Надейка кинулась к матери с коробочками, но та не взяла её на руки, а отступила на стул и сердито закричала:

— Брось, брось их все! Чтобы тут и духу ихнего не было!

Ночью поднялась стрельба, в окнах забились злобные багряные птицы. Мать с Чайкой увязывали узлы, изредка переговариваясь о том, где стреляют.

— Вот, слышишь, на станции, возле водокачки, — тревожно прислушалась мать.

— Чего им на станции палить? — не соглашалась Чайка. — Это возле Жеребцова дома, там, где гестапо эта. Опять пленных, должно, кончают, царя небесная!

Надейка спала одетая, даже в пальтишке. Ей было тепло лежать так, и занятно смотреть в окна, и слушать, что говорит бабка.

Потом она забылась и проснулась только тогда, когда стрельба подошла совсем близко и, казалось, накрыла их будку плотным хлопотным одеялом. Мать испуганно полезла в подпол. Чайка сунула ей туда узлы, хлеб, молоко в кувшинчике и, наконец, подхватив Надейку с постели, сонную подала матери. Сразу пропали птицы, и пыльно запахло картошкой.

— Лезьте, лезьте! — шептала Чайка. — Скорее, идут уже!

Торопливо захлопнулась крышка, и стало темно, как в могиле. Надейка захныкала, но мать прижала её к себе и стала успокаивать. Там, в подполе, ещё с позапрошлой осени у них была вырыта землянка. В ней Чайка прятала кадушку со свиной, отцовы сапоги, шинель с командирскими ремнями и не пускала туда никого. Лаз в землянку был заделан досками, и сколько, бывало, Надейка ни глядела сверху, всё не могла разглядеть его, а что существуют и лаз и землянка, — знала твёрдо.

В сенцах загремели сапогами, прикладами; тяжело брякнула наверх дверь. Мать шарилла руками в темноте, искала лаз и не могла найти. Наконец, доски подвинулись, и богами вперёд она полезла туда, держа на руках Надейку и подтаскивая за собой ватное одеяло и узелок с едой.

Постелив одеяло, она посадила на него Надейку и, трудно дыша, задвинула доски на место.

Наверху кто-то передвигал стулья. Завенела упавшая заслонка. Глухо и отрывисто раздавались чужие голоса. Звякнуло кольцо, солдат, света фонариком, спустился в первый подпол и, что-то бормоча, стал разбрасывать узлы. Голоса в избе сделались слышнее. Надейка разобрала, что бабка повторяет кому-то:

— Угнали, три дня, как угнали. Никого нет. Одна я, хворая, осталась...

Сердце Надейки тукало, словно молоточек, но она будто окаменела от страха и широко раскрытыми глазами глядела, как острые, слепящие лучи бегают по доскам, и боялась, что вот-вот они нащупают её и уколют.

Голоса стали глуше, видно, немцы и бабка отошли от крыши, а солдат

с фонарём всё возился в подполе, что-то бормоча про себя. Наконец, он щёлкнул кнопкой, погасил фонарик и сделал такое, что мать только пожелилась с отвращением.

Когда он вылез, Надейка молча стала гладить мать по плечу, по волосам. Мать обхватила её и поцеловала солёными, твёрдыми губами.

Так они и сидели, прижавшись друг к другу, изредка целуясь, без слов утешая и подбадривая одна другую: чаще Надейка, реже — мать.

Наверху зазвенело разбитое стекло, вслед за этим сразу заголосила Чайка. Они услышали:

— Ой, пан, пан! Пожалейте, одна я...

Кто-то выстрелил там; оглушительно и быстро грохнуло в печи, затрещали половицы, и на головы им посыпалась земля.

Надейка испуганно вскрикнула, забилась. Подхватив, мать накрыла её одеялом с головой. Затем она прислушалась к тому, что происходило наверху, отодвинула доски и выбрались в первый подпол. Крышка была откинута. На ней, свесив голову и словно заглядывая вниз, лежала Чайка, а по избе, по разбитым кирпичам печки, по брёвнам с гудением билась багряные жаркие птицы.

— Чайка! — не своим голосом крикнула мать и отшатнулась от жара и гари.

Надейка закричала тоже, крепко ухватившись за шею матери, но мать, словно очнувшись, оторвала её.

— Чего ты кричишь? Лезь назад, а то сгорим.

2

За станцией, на горе, был тифозный барак. Он один только и уцелел во всём городе. Надейка с матерью хотели перейти в него жить, но им не дали, сказали:

— Тифозный, что вы, что вы? Нельзя!..

Тогда они стали собирать обгорелые доски, брёвнышки, скрюченные железные листы с крыш и строить себе шалаш. Это было не так-то просто. Сначала нужно было найти место, потом вырыть ямку и уж над ней

известить крышу. Но прежде всего нужно было ещё найти лопату, а потом уже приниматься за дело.

Погода стояла холодная, сырая, и о весне можно было догадаться только по веснушкам на надейкином носу да по тому, что над городом изредка звонили жаворонки.

Мокрый снег и холодный ветер, а жаворонки звонили и звонили в серебряные свои колокольчики под низкими, невесёлыми облаками. Запрокинув голову, Надейка всё искала и не могла их найти.

— Стал наш город, как поле, — не то жаловалась, не то рассказывала кому-то Чайка. — Никогда тут раньше жаворонков не слышно было, разве что за болотом.

После того как сгорела будка и пока строили шалаш, они жили в соседской печке. Только она и уцелела во всём посёлке. Когда печка топилась, Надейка с бабушкой Чайкой сидели наверху, обставившись досками, закутавшись в одеяло. На ночь они забирались внутрь и закрывались заслонкой, а мать оставалась наверху.

Чайка стонала, жаловалась, что у неё в боку от немецкой пули дырка. В печке было тесно и неловко, но зато тепло. Просыпаясь по утрам, Надейка иногда прыскала со смеху:

— Бабуш, опять у тебя усы под носом! Чёрные!

Чайка сердито проводила рукой по лицу, размазывала сажу и со стовами вылезала наружу.

То тут, то там в городе слышались взрывы, взлетали столбы камней и земли; красная кирпичная пыль носилась в воздухе и густо садилась в сырых местах.

Минёры осторожно ходили по разбитым путям, по осколкам и словно слушали землю. В руках у них были длинные палки с проволочными кружками на конце, а на ушах как будто радионаушники. Но на самом деле это было не радио, потому что ни музыки, ни песен не было слышно, а всё что-то попискивало.

Иногда минёры останавливались и начинали осторожно топтаться на одном месте. Издали казалось: они слепые или колдуны какие-то. Вот они кладут свои палки и, присев на

Когда каша поспела, Филипп посадил Надейку на колени.

корточки, медленно и осторожно разгребают землю руками.

Чайка не могла на них смотреть и отворачивалась.

— Взорвётся! Вот, ей-богу, взорвётся сейчас! — шептала она.

Но минёры не взрывались. Они рыли, рыли землю где-нибудь под крепостной или возле уцелевшей стрелы, рыли осторожно и, наконец, выбрасывали из ямки круглую чёрную лепёшку мины.

Один раз минёры заночевали возле недостроенного шалаша, развели огонь и стали варить в котелке кашу.

Надейка стояла поблизости и глядела, пока один из них, веселый и весёлый паренёк, не подождал ее:

— Ида-ка сюда, дочка! Кашки хочешь?

Надейка захватила по дороге несколько щепочек и подошла.

— Она у вас ещё не сваренная, каша-то.

— А вот мы её сейчас сварим, да и поедим, — нарассев, шутиливо проговорил минёр, беря у Надейки щепки и подбрасывая их в огонь.

— Так не варят, — тихо и серьёзно сказала девочка. — Надо в печке варить.

— В печке?! — засмеялся минёр и окликнул другого. — Слышишь, Филипп? Да где же у солдата печка!

Тот, другой, что-то делал со своими наушниками, и вот тут-то Надейка и услышала, как в них попискивает, словно там слепые котят завелись.

Рябоватое лицо минёра было усталое и грустное:

— Вот контакт чортов... разладился!

— А ты проверь клемму, — посоветовал первый, помешивая кашу.

— Придётся, кажется, новый искать. Из-за него чуть было не ошибся сегодня. Вон там у насыпи.

— Нам с тобой ошибиться можно только один раз, — весело блеснул глазами молодой. — В первый и последний.

— Точно, — подтвердил Филипп. — Ну, как у тебя там с кашей, Заборский?

Он встал, отложив наушники, и под распахнувшейся шинелью Надейка увидела на его гимнастёрке орден.

— Это Ленин, — понимающе сказала она. — Ленин, я знаю.

Филипп взглянул на неё. Усталое лицо его оживилось; он поднял Надейку на руки.

— Точно, — улыбнувшись, сказал он. — Орден Ленина, дочка. Как тебя звать-то?

— Меня?

Филипп кивнул.

— Надежда Дмитриевна Васина, — заученно ответила Надейка.

— Как, как? — засмеялся и Заборский.

Надейка повторила.

— Папка на войне? — снова спросил Филипп.

— У-умер давно, — ответила Надейка.

Потом подумала и сказала:

— Нет, он на войне, мой папка. На войне, немца воюет.

— А, — понимающе согласился Филипп. — А почему же ты говорила, что умер?

Надейка помолчала, словно собираясь с мыслями.

— Это я для немцев говорила, — наконец пояснила она. — Немцы у нас жили: Карл один и ещё какой-то.

Когда каша поспела, Филипп посадил Надейку на колени и стал кормить её из своей горячей-горячей ложки, а Заборский сходил за водой.

Накормив Надейку, они начали есть сами, вполголоса переговариваясь о минах и фугасах, которые все с часами и почему-то должны были взорваться через девятнадцать дней, если минёры их не отыщут.

Потом минёры пошли помогать матери и бабке, хлопотавшим возле шалаша, и скоро он оказался готов, с железной крышей и железной печкой. Трубу Заборский вывел наверх и привязал её там проволокой, чтобы не срывало ветром.

В сумерки они все — мать, Чайка и минёры — сидели у топившейся печки, пили чай. Надейка ждала, что Заборский даст ей кусочек сахара. Но он долго рылся в мешке, посвистывал, посвистывал и, вздохнув, отложил его в сторону. Надейка поняла, что сахара нет, и ей сразу захотелось спать.

Наутро минёры снова ходили возле насыпи со своими палками и наушниками. Заборский лазил даже в водотвод, светил там фонариком и вернулся ни с чем.

Надейке очень хотелось подойти поближе и посмотреть, как они выуживают мины, но Чайка её не пустила.

ВЕРНОСТЬ

Сергей Островой

Трепещет ночь в неясном свете,
Ракеты рыщут в синеве.
Непохороненные дети
Гниют в некошенной траве.

Не мать слезой своей горячей
Омоет детские тела,
Рыдаец-ветер их оплачет,
Их обоймёт степная мгла.

Тут город гонят в рабство! Город!
Шатает женщин, как в бреду.
И мать, рванув рукою ворот,
Кричит конвойным: «Не пойду!»

И немец бьёт её прикладом.
И ей не встать уже, не встать.
С детьми замученными рядом
На большаке ложится мать.

И, может быть, босой, раздетой,
Вот так же ночью, через рожь,
Ты в смертный час дорогой этой
С Наташей, с дочкою, идёшь.

И пусть здесь нет на вас похожих,
Но как унять мне боль мою,
Когда я в женщинах прохожих
Тебя повсюду узнаю!

* * *

Я скажу тебе по совести,
Не лукавя, не тая:
Ты в моей солдатской повести —
Мысль заветная моя.

С самых первых дней замужества
Ты пришла ко мне, как свет.
Я люблю тебя за мужество,
За улыбку, за совет.

За любовь твою упрямую
И за русскую, за ту,
За хорошую за самую
В ясном свете красоту.

И пускай другие женятся,
А потом уходят вновь, —
Наше чувство не изменится,
Не изменится любовь.

* * *

Когда я думаю о том,
Что из далёкого похода
Я вновь приду в родимый дом,
Где ты ждала меня три года,
Где, русской верностью горда,
Ты нежность женщины хранила, —
Как мне захочется тогда
Всё рассказать, что с нами было.

Но замолчу. Но стисну крик.
Но обойму тебя сурово.
И мы, наверно, в первый миг
Не сможем вымолвить ни слова.

Так нам разлукой суждено.
У первых встреч одно начало:
Из многих слов найти одно,
Которое бы всё сказало.

Действующая армия.

— Ничего там нет, — ворчала она. — Ушли немцы! Уж если бы что было, так моё сердце — вешун.

— Надо не вешун, а искатель, — поправила её Надейка.

— Ну, у них искатель, а у меня вешун, — не согласилась Чайка. Она отогрелась возле печки, была довольна и проглянувшим солнцем и своим углом, где им наконец-то можно было приклонить голову.

Мать ещё с утра ушла на работу. На станции сегодня было особеннолюдно. Ждали первого поезда, рубили и сшивали рельсы, разбирали обломки. Иногда из-за туч доносилось осторожное потуживанье, и в проёмах между ними мелькали рыбками чужие самолёты. Зенитки непрерывно били по ним; серые парашютики шрапнельных разрывов качались, плыли в синеве, и самолёты уходили, пропадали за облаками.

Надейке стало весело и от тёплой, ясной погоды и от жарко топившейся печки. Девочка выбралась наружу и отправилась бродить — всё дальше и дальше от шалаша, пока не набрела на уткнувшийся в канаву легковой автомобиль.

«Фрицева машина», — решила она, увидев чёрные кресты на кузове, и, припевая: «Фрицева, фрицева! Фрицева машина!» — вприпрыжку прошла вокруг.

Машина была выкрашена пятнистой, зелёно-коричневой краской, словно она, надев чистое, праздничное платье, попала в грязь, а потом — будь, что будет! — пошла валяться в траве.

Было просто удивительно, как эта машина уцелела здесь, среди взорванных рельсов, искореженного железа и разбитых грузовиков. Правда, и у неё было немного разворочено спереди, видно, осколком или гранатой, но задок машины сохранился, а за лопнувшим стеклом виднелся руль. Надейке захотелось поиграть в ней, пока никто не видит, совсем-совсем одной, а откинутая дверка словно звала её внутрь: «Войди! Ну, чего же ты?»

Надейка хитро оглянулась и сделала такое лицо, словно ей нисколько не было дела до этой машины, не только ей, но даже и каждой веснушке на её носу. Косички её равнодушно мотнулись в сторону, а красненькая ленточка, которую заплела ей утром бабушка Чайка, развязалась.

Вблизи никого не было. Только минёры попрежнему возились у насыпи, да мирно дымилась труба, словно шалаш, как старик, сидел на солнышке и курил, попыхивая дымком.

— Никого нет... — ушли немцы, — вспомнила Надейка и, напевая, подошла к машине.

— Дочка! — закричал ей издали Филипп.

Надейка помахала ему рукой.

Прявожив от солнца ладонь к глазам, Филипп взглянул на неё снова и, точно сообразив что-то, бросил миноискатель и бегом заспешил к машине. Он кричал, делал страшное лицо, но Надейка ничего не разобрала.

— Дочка! Подожди... Дочка! — кричал Филипп, приближаясь, отрезая её от машины. — Нельзя тут... Понимаешь, нельзя!

— А я буду, а я буду, — засмеялась Надейка, и голос её зазвенел, как серебряный колокольчик.

Капли пота катились по лицу Филиппа, он хотел схватить Надейку за руку, но она увернулась, смеясь, обжала машину и кинулась было в раскрытую дверцу. Минёр подхватил её, и они упали. Рыжий костёр взрыва выдул уцелевшие стёкла, машина встала на дыбы и рухнула, как подбитая.

Заборский побежал им на помощь, но Филипп уже встал и, пошатываясь, поднял Надейку на руки.

— Чуть было не ошиблись, — глухо сказал он. — Вишь, как перепугалась. — И, передав Надейку Заборскому, вздохнул глубоко и устало.

Татьяна Тэсс

В тот вечер в Таганроге первый раз дали свет. Дело было так. Мы сидели в комнате; на столе стояло блюдечко с постным маслом, фитиль заменяла ватка, называлась эта конструкция «каганец». Маленький жёлтый огонёк трещал и покачивался. Это освещение осталось от немцев и заменяло электричество. И вдруг вспыхнул свет. Прямой, белый, сильный, он заставил нас зажмуриться. Открыв глаза, мы сразу заулыбались и заговорили почему-то громче, чем раньше. В городе дали свет — это было большое событие. Радостно глядели мы на ярко освещённые предметы, на короткие точные тени от них вместо громадных, лохматых теней, которые только что струились, извивались на стенах. Потом мы снова вернулись к разговору.

Передо мною сидел Александр Афанов — человек, имя которого сейчас знали в Таганроге многие. Наш разговор продолжался уже второй час. В соседней комнате изредка слышалось терпеливое женское покашливание, дверь приоткрывалась, и на пороге показывалась маленькая худенькая девочка в пальто, сшитом из одеяла. И Афанов говорил тогда поспешно:

— Иди, деточка, гуляй. Я скоро приду.

Но когда дали свет, девочка вошла в комнату и остановилась, прижавшись к колену отца. Она обернула к свету длинное личико с красным носиком; глаза её, не мигая, смотрели на лампу.

— Два года не видалась, знаете. Соскучились очень и жена и дочка, — сказал Афанов с извиняющейся улыбкой и прижал к себе девочку. — Теперь ходят за мною повсюду, куда я, — туда и они...

Второй час слушала я рассказ о братьях Афановых и матери их, Екатерине Фёдоровне. Рассказ этот поразителен.

Семья Афановых жила в Таганроге много лет. Здесь родились все три сына: Александр, Андрей и Константин. Они росли, как все таганрогские мальчишки: ловили раков в мелком, пахнущем рыбной заливой, летом загорали до немыслимой черноты, умели плавать, грести, ставить парус на шаланде, умели сплёвывать и отвечать презрительно: «Спрашиваешь!» — как полагалось среди моряков. С ними случалось всё, что может случиться с мальчишками: они топились, падали с деревьев, дрались, приходили с синяками, теряли школьные книги. Мать отлично управлялась с ними. «Три дочки — это маленькая семья, — говорила она. — Но три сына — это тридцать три несчастья. Каждый день с ними что-нибудь случается. Надо иметь железный характер, чтобы к этому привыкнуть. Честное слово!.. Но ничего, растут у меня все трое здоровенькие, маму слушаются, выйдут из них, даст бог, настоящие люди!..»

Когда старший сын, Александр, пошёл работать на завод и принёс домой первую получку, — мать смутилась и порозовела, как девушка. Она стояла, вертя в руках деньги, а сын говорил ей солидно:

— Нате вам деньги, мама, справьте себе платье. Или ботинки.

Потом начали работать и два других сына... Александр работал на заводе имени Димитрова, Андрей — на заводе имени Молотова, Константин — на заводе имени Сталина. Случалось, что все они работали в разные смены, и мать будила каждого в положенное время, каждого кормила и снаряджала, как раньше снаряджала в школу. Сыновья всё казались ей маленькими детьми, а они уже были здоровыми, крепкими парнями; на заводах их ценили как хороших работников; когда они шли на работу, она иногда выбегала и кричала вслед: «Саша, там на углу накопаны ямы для деревьев, смотри не упали!..» И лицо у неё было такое озабоченное, как будто бы широкоплечий Саша, спортсмен, председатель местного спортивного общества «Крылья Советов», действительно мог, как малый ребёнок, свалиться в ямку.

Сыновья женились, привели в дом невесток. Семья увеличилась, жили все хорошо, дружно. Мать попрежнему хлопотала, готовила на всех обед, обшивала, стирала; выглядела она молодо, на крепком, здоровом лице с широкими чёрными бровями почти не было морщинок, но она рано поседела, и густые волосы были совсем белыми. Сыновья относились к ней с бережной и доверчивой любовью, они жили, как нежные друзья, как хорошие товарищи.

И вот началась война.

Первое время матери казалось, что война где-то

очень далеко и, вероятно, никогда не дойдёт до Таганрога. Она никак не могла представить, что война войдёт и в их город — в их красивый, весёлый город, где все они так хорошо жили. Лето в том году было поздним, влажным, деревья в городском саду покрылись небывало зелёной и сочной листвой. Рассветы были такими свежими и розовыми, и так сладко тянуло морем из залива, что почти невозможно было поверить в то чёрное горе, какое шло тогда по стране.

Но горе войны приближалось с чудовишной быстротой. Уже чёрные немецкие самолёты бомбили город; уже немцы подходили к городу всё ближе; уже соседка, у которой сын отсидел за хулиганство пять лет и перед войной вернулся домой, говорила матери загадочно:

— Хорошо живёте, тетя Катя, ничего не скажешь. Но и другим, между прочим, тоже хочется хорошо пожить!..

Екатерина Фёдоровна Афанова и её сын Константин, член боевого штаба подпольной организации Таганрога.

Братья Афановы работали на заводе до самых последних дней. Когда немцы вступили в Таганрог, обстоятельства сложились так, что братья не смогли уехать. Они остались в Таганроге.

Вместе с сыновьями осталась и мать.

Семью Афановых знали в городе. Особенно популярен был старший сын, Александр, как председатель общества «Крылья Советов». Ночевать дома сейчас было опасно. Сыновья скрывались у

Члены боевого штаба подпольной организации Андрей и Александр Афановы.

товарищей, у дальних родичей, но в ту ночь, когда они приходили домой, мать совсем не ложилась спать. Она прислушивалась к шорохам, к скрипам, к далёким выстрелам; один из сыновей, проснувшись, видел, как мать в длинной белой рубашке стояла возле двери, взявшись рукою за щеколду, и прислушивалась, вся взъерошившись, как птица, готовая защищать своих птенцов. И сын говорил тихонько:

— Да вы ложитесь, мама, мы сами услышим, если что!..

Спустя некоторое время в Таганроге было организовано комсомольское подполье, штаб его воз-

главлял бывший секретарь горкома комсомола Морозов. Братья Афановы были одними из первых, вступивших в подпольную организацию. Работа между ними распределялась так: Александр руководил работой боевых групп на производстве, Андрей отвечал за связь между штабом и отрядом на местах, Константин занимался добычей оружия. Организация, вначале очень маленькая, быстро разрослась до двухсот человек. Ей помогала в работе молодёжь: всё храброе и чистое, что было в городе, группировалось вокруг организации.

Вначале мать не знала о том, что делали сейчас её сыновья. Иногда они приходили домой, продрогшие, грязные, с красными от бессонных ночей глазами, она кормила их, давала чистые рубашки, укладывала спать и сама становилась к двери, как часовой на своём посту. Но однажды самый младший сын, Костик, сказал ей, глядя прямо в лицо:

— Тут есть до вас дело, мама. Надо пойти на Акушерскую улицу до одного гражданина и занести ему мешочек с разной чепухой, — он запнулся и вдруг сказал тихо: — Одним словом, патроны. Наших уже нельзя послать, там их знают. А вы, как старушка, пройдёте себе тихо, незаметно... — и он доверчиво и серьёзно заглянул матери в глаза.

Через несколько минут Костик уже смотрел, как мать снаряжалась в дорогу. Она надела на голову косынку так, чтобы были заметны её седые волосы. В руки она взяла корзинку, с какой обыкновенно ходила на базар, и закрыла её сверху ситцевой тряпочкой. Через окно Костику было видно, как вышла она на улицу и пошла, легко держа тяжёлую корзинку. Возле ворот ей встретилась соседка:

— Что-то не видно твоих защитников родины, тетя Катя... — сказала соседка и ухмыльнулась. — Или разбегались все?

— Зато твоего сына я вижу каждый день, когда он к бургомистру шляется, — сказала мать и пошла вперёд не оборачиваясь.

С того дня мать стала помогать сыновьям. Она носила по указанным ей адресам патроны, револьверы, автоматы. Она приходила в хлебокомбинат, чтобы передать боевой группе задание от сына Александра, шла пешком в пригородное хозяйство и приносила оттуда важные документы для сына Андрея. По городу ходило много таких старушек, седых, слегка сутулых, с базарными корзинками, где шевелились и шелестели раки или лежала горстка помидоров. Они были незаметными и никак не запоминались; мать легко проходила всюду и выполняла любое поручение, которое ей давали сыновья.

Иногда кого-нибудь из сыновей охватывала тревога, и он говорил:

— Не ходите вы, мама, больше нигде. Сами будем делать. А то вдруг поймут вас!.. — и он махал рукою, не договаривая.

Но мать спокойно и убедительно начинала доказывать, что её никак не могут поймать, никто не обратит внимания на какую-то старушку и она ничем не рискует, идя по улицам со своей корзинкой. И сыновья после колебания соглашались и снова давали ей мешочек с патронами или автомат, который она прятала под большую старушечью шаль.

В тёмном, притихшем городе шла своя тайная, грозная жизнь. Боевые отряды работали на многих заводах. Почти каждый день выходили из строя станки, буксовали паровозы, загадочно исчезало оружие из немецких машин, сходили с рельсов составы. Члены организации работали на «бирже труда», в поликлиниках, в паспортном столе — всюду, где можно было помочь освободиться от отправки в Германию. Работы у матери всё прибавлялось. Она попрежнему выполняла поручения обстоятельно и аккуратно.

Наступило лето 1943 года. Фронт приближался к Таганрогу. Подпольный штаб решил организовать в городе вооружённое восстание.

И в это время немцам удалось напасть на след штаба. Во время совещания были застигнуты и арестованы Морозов и другие члены организации. Морозов пытался убежать, но был пойман, избит и увезен в гестапо.

Морозова заменил в штабе Константин Афанов. Теперь на него легла вся тяжесть работы. В ту пору мать редко видела его, он почти не появлялся дома. Красная Армия подходила всё ближе, уже доносились глухие орудийные раскаты. В городе начались массовые аресты, полиция рыскала, ища подпольщиков. Незнакомый провокатор продолжал свою работу — нить привела к дому, где жила семья Афановых.

Перед захватом города немцами научный сотрудник Никопольского музея Н. Цегер успел спрятать ценные экспонаты; часть картин старых мастеров живописи он замуровал в подвале. Теперь музей приводится в порядок. Тов. Цегер вместе с председателем горсовета А. Николаевым собирает все экспонаты и извлекает из подвала замурованные картины.

Никополь, небольшой городок, живописно раскинувшийся на обрывистом берегу Днепра, жестоко пострадал от немецко-фашистских поджигателей. Отступая из города, гитлеровцы разрушили и подожгли лучшие жилые здания, фабрики и заводы. Жители освобождённого Никополя в первые же дни горячо взялись за восстановление родного города.

В школе № 5 немцы устроили лагерь для военнопленных. В этом классе (снимок слева) на грязной соломе валялись без пищи и медицинского ухода раненые советские бойцы. После изгнания немцев ребята пришли в свою школу и занялись расчисткой и уборкой классов. Со всех концов города школьники свозили уцелевшие парты (снимок справа). Дружными усилиями ребят школа приведена в порядок. Теперь можно снова взяться за учёбу.

Весь квартал был оцеплен девять дней подряд. Александра и Андрея удалось предупредить — они скрылись из города. Но Константина не смогли найти. Каждый день мать с ужасом ждала, что он придёт домой.

И он действительно пришёл.

Увидев приближающихся к нему полицейских, он бросился бежать. В него стреляли, он упал, потом поднялся и побежал снова, оглядываясь, припадая на левую ногу. Из-за угла на спину ему прыгнул рослый полицейский, они покатались по пыльной мостовой, царапая и кусая друг друга. Матери были слышны выстрелы, она сосчитала: стреляли четыре раза, — потом наступила тишина. Она стояла возле окна, стиснув руки, и шептала: «Господи, только бы не Костя... Господи, только бы не Костя...»

Через два дня её арестовали.

Когда её допрашивал следователь, в комнату ввели человека. Мать поглядела на него — и уже не могла отвести глаз. Руки его были вывернуты и висели вдоль тела ладонями наружу. Ушей не было совсем, на их месте были две плоские раны.

Сквозь порванную рубашку было видно тело, покрытое рубцами, кровоточащими порезами. Он криво усмехнулся, приподняв верхнюю губу, — она увидела чёрные, беззубые дёсны. Не в силах отвести глаза, глядела она на Костю, на сына, на своего мальчика, и видела его таким, каким он был у неё последний раз — здоровым, смуглым, с кудрявой головой и упрямым юношеским ртом, — Костенька, сыночек.

— Это ваш сын? — спросил следователь.

— Нет, — сказала она и покачала головой. — Я не знаю этого человека.

Следователь ударил её сына, и тот упал, и снова она с ужасом увидела, как странно и страшно вывернуты его руки.

— Это ваш сын? — снова спросил следователь.

— Нет, — сказала она.

Её вызывали каждый день и спрашивали о сыновьях, об их товарищах, о работе штаба. И каждый раз она говорила одно и то же: «Я ничего не знаю». Её приносили после допросов на носилках и бросали в камеру на пол, и соседки обмывали ей от крови лицо и клали ей под голову свои

кофты. Она приходила в себя, но лежала молча, как мёртвая, закрыв глаза. Никогда и ни с кем не говорила она о своих сыновьях, даже с женщинами, которые плакали над нею и перевязывали ей раны. Молча лежала она на полу и так же молча вставала и шла к двери, когда её вызывали на допрос.

Её расстреляли за два дня до прихода Красной Армии.

Когда раскапывали «Балку смерти», сын Александр нашёл её.

Сейчас он рассказывал об этом. Он говорил медленно, глядя на белую, налитую светом лампу.

— Совсем ещё чистой была, — сказал он глухо. — Платье такое зеленоватое. Косынка туго завязана на глазах. Снял я ту косынку, а глаза прямо на меня смотрят...

Он умолк и потом сказал тихо:

— Стал я перед ней на колени и поклонился. От себя. От братьев своих. От всех сынов, что ходят сейчас по нашей земле.

РАЗГРОМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА

Участник полёта на вражеский железнодорожный узел младший лейтенант Пастухов.

Репортаж специального корреспондента
«Огонька» В. Рейна

Группа наших штурмовиков возвращалась с боевого задания. Проходя над крупной железнодорожной станцией, тогда ещё занятой немцами, ведущий группы старший лейтенант И. Долгов заметил на путях большое скопление вражеских эшелонов.

Получив приказ командования — отштурмовать станцию и уничтожить немецкие эшелоны, старший лейтенант Долгов вылетел на выполнение боевого задания вместе с шестёркой штурмовиков: майором Шароновым, лейтенантом Ухабовым и младшими лейтенантами Пастуховым, Косолаповым, Родиным и Брескаленко.

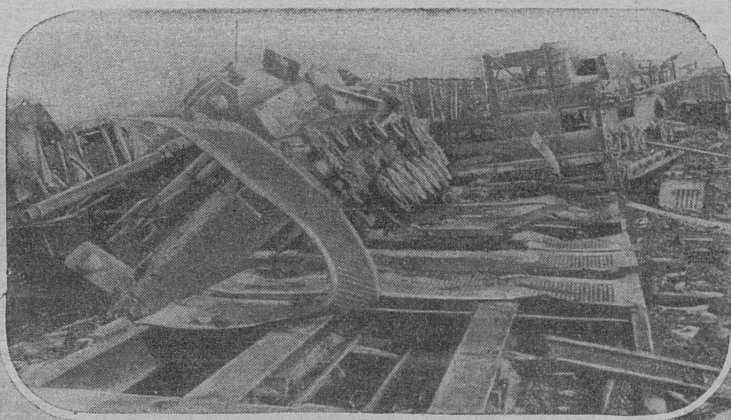
Погода была нелётная. Враг не ожидал нападения с воздуха. Снизившись над целью, семёрка «Ильюшиных» открыла по вражеским эшелонам яростный огонь из всех своих пушек, а затем, спикировав, стала забрасывать его бомбами. Взрывы на станции следовали один за другим, в воздух взлетали вагоны, цистерны, танки, станционные постройки.

Израсходовав свой боекомплект, семёрка ИЛ'ов благополучно вернулась на свой аэродром.

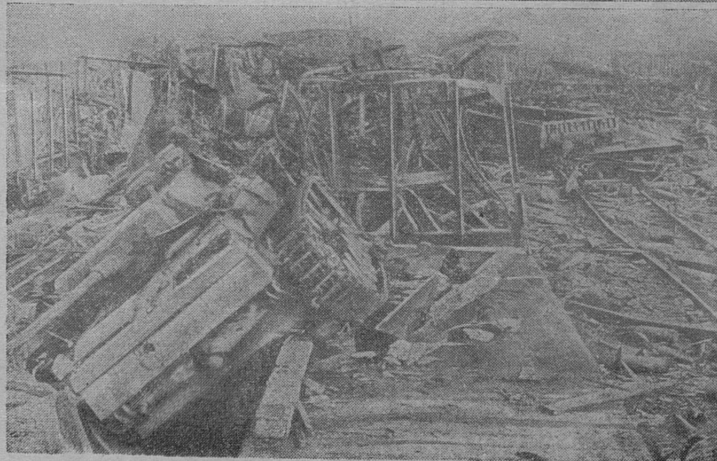
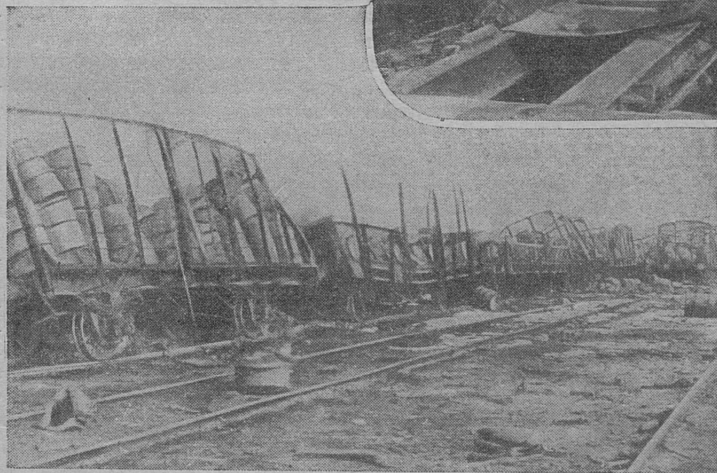
Участник полёта на вражеский железнодорожный узел младший лейтенант Косолапов.

Вскоре станция была освобождена нашими войсками, и проверка на месте установила огромные потери немцев от мастерского удара наших штурмовиков. Уничтожено было 14 вражеских эшелонов из 465 вагонов, в том числе: 2 эшелона с войсками, 2 — с артиллерийскими снарядами, 2 — с танками и самоходными орудиями, 2 эшелона с взрывчаткой. Необычайной силы взрывами начисто снесены станционные постройки.

Приказом Главного Маршала авиации тов. Новикова отважные лётчики награждены очередным званием и орденами. Ведущему группы старшему лейтенанту Долгову присвоено звание капитана, и он награждён орденом Суворова III степени.

1-й Украинский фронт.

НАШ КАЛИНИН

В. Барыкин

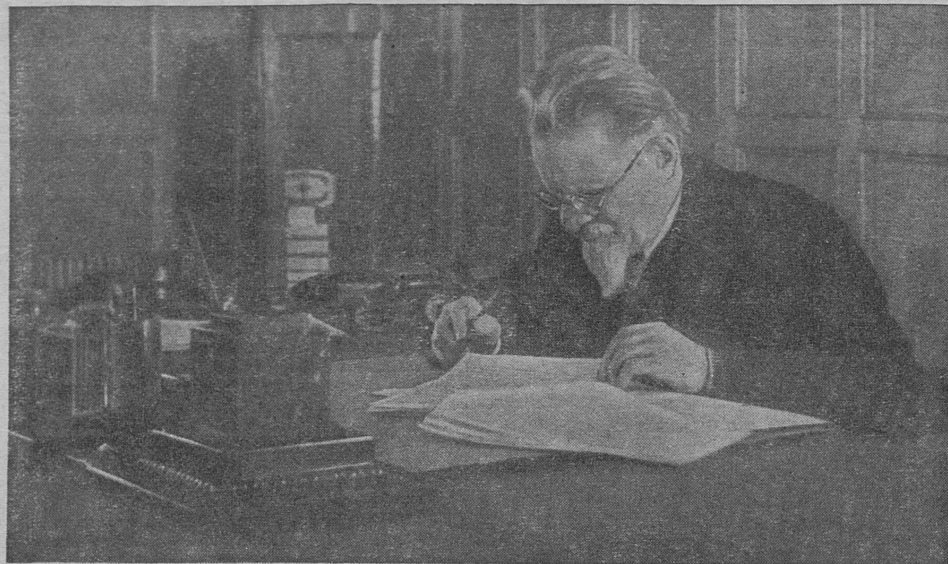
30 марта 1919 года Михаил Иванович Калинин по предложению В. И. Ленина, волею советского народа, был поставлен во главе Советской республики. И с тех пор вот уже четверть века он находится на посту руководителя высшего органа советского государства — ВЦИК, ЦИК СССР, Президиума Верховного Совета СССР.

В жизни М. И. Калинина ярко отражается живая история рабочего класса, весь путь, пройденный им под руководством Ленина, Сталина. Не случайно к вышедшей в 1940 году биографии М. И. Калинина эпиграфом взяты его слова:

«Вся история моей жизни, а по существу и вся история рабочего класса заключается в том, что мы жили и боролись под руководством Ленина, Сталина».

Михаил Иванович прошёл славный путь от крестьянского мальчика деревни Верхняя Троица, Тверской губернии, до руководителя высшего органа советского государства, Героя социалистического труда, любимца всего советского народа.

Став в 1893 году учеником гильзового отдела патронного завода «Старый арсенал», юноша Калинин впервые получил навыки заводского рабочего. С тех пор жизнь М. И. Калинина тесно связана с заводами Петербурга, с революционной работой, с борьбой за дело Ленина, Сталина. К январю 1916 года у ленинца Калинина уже было 14 арестов, ссылки, административные высылки из городов. В боевые дни 1917 года рабочие, большевистская организация Петербурга видят в Калининe одного из своих руководителей, верного соратника и помощника Ленина и Сталина.

Михаил Иванович Калинин у себя в кабинете. Фото Г. Петрова. 1944 год.

В начале октября на квартире Михаила Ивановича состоялись исторические встречи Ленина со Сталиным и другими членами ЦК большевиков. По воспоминаниям М. И. Калинина, таких встреч было две или три, «где и ставился вопрос о возможности свержения Временного правительства». М. И. Калинин принимает деятельное участие в подготовке вооружённого восстания: в эти дни его особенно часто видят на заводах, где он готовит рабочих к захвату власти.

В ноябре 1917 года Петроградская партийная организация выдвинула М. И. Калинина на пост председателя управы — петроградского городского головы. Здесь, на этом посту, будущий руководитель советского государства начинает свою государственную деятельность. Только благодаря героическим усилиям и неистощимой деятельности председателя город-

ской управы огромное хозяйство двух-миллионного Петрограда удержалось от развала, были ликвидированы очаги тифа, холеры, окрестности города покрылись огородами, в рабочих кварталах появился свет, из трущоб рабочие переезжали в хорошие квартиры.

30 марта 1919 года М. И. Калинин стал председателем ВЦИК. Это было тяжёлое для молодой Советской республики время. Руководитель высшего органа советского государства развернул кипучую деятельность в народных массах — среди рабочих, крестьян, красноармейцев. Надо было разъяснить массам трудового крестьянства политику советской власти в деревне, чтобы теснее сплотить середняков вокруг партии и советской власти, мобилизовать их на борьбу против интервентов и белогвардейцев.

В. И. Ленин предложил тогда создать агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция». На этом поезде председатель ВЦИК совершал свои многочисленные поездки по важнейшим районам страны. В 1919 году поезд побывал на Урале — на колчаковском фронте, в Белоруссии — на западном фронте, на Украине — на южном фронте, снова на востоке — в районах, освобождённых от Колчака, снова на юге — на фронте борьбы с Деникиным — и в Петрограде — после разгрома белогвардейских банд Юденича. Вот несколько цифр, характеризующих работу председателя ВЦИК в тревожные для страны дни 1919 года. Поезд «Октябрьская революция» провёл 380 митингов, на которых побывал почти миллион человек. Только за 6 поездок (с 29 апреля 1919 года по 6 января 1920 года) председатель ВЦИК выступал более 350 раз. Работники поезда под руководством председателя ВЦИК обследовали до тысячи советских и партийных учреждений, на месте исправляя недостатки их работы.

Беседы М. И. Калинина с крестьянами, рабочими, красноармейцами, его умение подойти к каждому человеку заслуживают специального описания. Я приведу только один пример такого разговора, относящийся к 1929 году. Речь шла о коллективи-

М. И. Калинин на родине.

Картина В. Д. Зайцевой.

И. В. Сталин, В. И. Ленин и М. И. Калинин. Снимок 1919 года.

зации. В то время среди крестьян было немало сомневавшихся в колхозах, боявшихся расстаться с единоличным хозяйством. М. И. Калинин своими беседами рассеивал сомнения крестьян. На одном из собраний крестьянин-бедняк, обращаясь к М. И. Калинин, сказал:

— Ты хочешь, чтобы мы прыгнули в колхоз, но ведь вопрос, куда прыгнуть, а если мы прыгнем вниз?

М. И. Калинин хорошо знал крестьянина, задавшего этот вопрос, и тут же ответил ему:

— Ведь ты же стоишь на самом низу, даже в яме, так куда же дальше? Тебе нет возможности опуститься, — всякий прыжок для тебя есть только полёт вверх.

Практическая деятельность руководителя верховного органа советского государства исключительно разносторонняя: восстановление разрушенного гражданской войной хозяйства, индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, укрепление обороны, строительство вооружённых сил, развитие культуры, работа советских органов, воспитание людей, выращивание кадров, способных управлять государством и бороться за дело Ленина — Сталина, — во всём этом руководящее участие принимает М. И. Калинин.

Великая отечественная война советского народа с немецко-фашистскими захватчиками показала всему миру силу и несокрушимое могущество советского строя, созиданию и укреплению которого М. И. Калинин посвятил четверть века неутомимой работы, напряжённого труда на посту руководителя верховного органа советского государства. Факт бессменного пребывания М. И. Калинина на этом высоком посту показывает силу и устойчивость советского общественного строя,

который выдержал все испытания войны.

Говоря о М. И. Калинин, нельзя не сказать о его роли в деле упрочения союза рабочих, крестьян и интеллигенции нашей страны и дружбы народов Советского Союза.

М. И. Калинин — не только крупнейший государственный и партийный деятель: он неутомимый пропагандист марксизма-ленинизма. В его речах, статьях, беседах вы всегда найдёте ответы на все вопросы, выдвигаемые жизнью. М. И. Калинин является одним из наиболее культурных и образованных людей нашей эпохи, он прекрасно владеет могучим оружием — марксистско-ленинской теорией. Миллионы советских людей — рабочие, крестьяне, интеллигенция, бойцы и офицеры Красной Армии и Военно-Морского Флота — жадно слушают речи М. И. Калинина, вчитываются в его статьи, книги, помогающие им расти, двигаться вперёд, обогащать свои знания, побеждать врага.

За время войны мне посчастливилось сопровождать М. И. Калинина в его поездках в различные города Советского

М. И. Калинин вручает орден Суворова I степени маршалу Советского Союза А. М. Василевскому.

Союза — города Калинин, Ярославль, Иваново, Орехово-Зуево. Я видел, как наш народ любит и уважает М. И. Калинина, с каким восхищением смотрят на него колхозники и колхозницы, рабочие и работники, военные, инженеры, руководители партийных и советских организаций, взрослые и дети, как они жадно ловят каждое калининское слово. Я много раз слышал, как, сидя в зале, где выступал М. И. Калинин, люди говорили с нежностью и любовью: «Наш Калинин».

«Наш Калинин!» — так может сказать каждый советский человек — русский, украинец, белорус, узбек, туркмен, таджик, казах, грузин, армянин, азербайджанец, молдаван, литовец, латыш, эстонец, карело-финн, — ибо Калинин — для всех свой, родной человек, близкий, к которому можно всегда обратиться и получить ответ, помощь, поддержку.

Вспоминаются строки Владимира Маяковского:

«Алло, алло! —
к вам сейчас
появится
товарищ Калинин.
Я рад,
жена рада,
однако
делаем
спокойный вид.
Мы говорим,
его выбирали,
и ежели
ему
надо,
пусть
Михаил Ваня
с нами говорит
о видах на урожай
и на промышленность вид
и много ещё такого...»

Советский народ с большим удовлетворением и радостью узнал о том, что в день 25-летия деятельности М. И. Калинина на посту руководителя верховного органа советской власти ему присвоено звание Героя социалистического труда.

В приветствии верному ленинцу и руководителю верховного органа советского государства Михаилу Ивановичу Калинин от ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР говорится:

«Своей преданностью партии Ленина — Сталина и теснейшей связью с широкими массами трудящихся, своей сердечностью и простотой, богатейшим жизненным опытом и большевистской мудростью Вы снискали себе глубокое уважение и искреннюю любовь всех народов. Ваше имя стало символом беззаветного служения и преданности интересам родины, её благосостоянию и процветанию.

От всего сердца желаем Вам, дорогой Михаил Иванович, на долгие годы сохранить бодрость и здоровье для дальнейшей плодотворной работы на благо народов нашего отечества».

Доброго здоровья Вам, дорогой Михаил Иванович!

ЦЕНА МЕТРА

Л. Огнев

От Днепра в среднем его течении и почти до Западного Буга тянутся сплошные болота, нехоженые и неморенные. С севера этот унылый край замыкается рекой Березина, с юга — Припятью, а всё огромное пространство между ними заштриховано на карте голубенькими чёрточками, заставляющими хмуриться самого жизнерадостного человека.

На сотни километров тянутся болота — и мелкие, проросшие сосновым лесом и осиновыми рощами, и глубокие, покрытые камышовыми кочками и осокой. Немало тут трясин, податливых и губительных, замаскированных сверху лёгкой торфяной коркой. Здесь шаг ступить нельзя без разведки. И как во льдах Арктики гибли порой корабли, развавшиеся на север, так и тут иногда тонут без выстрела пушки и танки.

На сухих островках, по берегам многочисленных рек и речушек теснятся селения и хутора. Обычно они состоят из нескольких домиков и напоминают скорее охотничий стан Восточной Сибири. Крайне редкие дороги улучшенного типа проезжи только летом или морозной зимой. Но нынче и зима выдалась хилая, всё тает, дороги развезло, болота покрыты водой, а тонкая ледовая корочка рек с хрустом ломается под ногами.

Но фронт живёт, борется, упрямо, наперекор природе и климату зиме, воюет и бьёт немцев.

Тут, в лесах и болотах, родилась новая тактика действия пехоты, артиллерии, танков, не предусмотренная никакими учебными нормами.

— То, что мы когда-то изучали в академиях как исключение, стало здесь правилом, — сказал мне полковник.

Своеобразие болотной войны можно наглядно проследить на примере боя за одно селение, превращённое немцами вместе с соседним хутором в серьёзный опорный пункт обороны на очень важном участке. Расположенная на небольшой возвышенности, эта деревня опоясывалась широкой полосой топких болот, почти не проходимых даже для пехоты. На огородах немцы отрыли несколько рядов траншей полного профиля, густо оснасти-

ли их дзотами, а впереди выставили проволочные и минные заграждения. В различных пунктах были размещены до 100 орудий, несколько десятков миномётов.

Нашему командованию предстояло решить весьма трудную задачу. Применение танков в этом пункте исключалось условиями местности. Следовательно, селением должна была овладеть пехота. Но пехота, продвигаясь по узким тропинкам среди болота, вся полегла бы под концентрированным огнём противника. Нужно было предварительно взломать и подавить оборону врага. Это могла сделать артиллерия, но для неё не было позиций.

Селение требовалось взять во что бы то ни стало. И советские офицеры решили трудную задачу. Проваливаясь по пояс в болото, бойцы на руках подтащили пушки с тыловых дорог к переднему краю. Так, одно за другим, пришлось перетаскать на участок протяжением в шесть километров орудия различного калибра. На руках же были доставлены и снаряды. Для каждой пушки артиллеристы совместно с сапёрами подготовили на зыбкой почве твёрдые площадки.

Всё это было лишь половиной дела. Передний край находится на расстоянии примерно двух километров от противника, а орудия прямой наводки должны были стрелять с дистанции в несколько сот метров. И тогда началась эта необычная работа.

Маскируясь в кустарнике, бойцы в течение 30 часов готовили жердвые и фашинские дороги, мастерили передвижные площадки под пушки, строили деревянные брустверы для защиты от осколков.

— Это не огневые позиции, а доровоготовки Рязанского леспромхоза, — шутил полковник, не забывая, однако, энергично потираливать своих артиллеристов.

А затем в одну ночь всё это было выброшено на передний край, на топь. Заготовленные заранее куски фашиновых и жердвых выстелок легли в цельный проезжий путь. Сапёры быстро смонтировали на месте площадки огневых позиций, установили бруств-

ры и засыпали их запасённой землёй. Затем по проложенным путям вперёд двинулись пушки и заняли свои места впереди нашей пехоты, в шестистах — восьмистах метрах от вражеских траншей.

Всё это происходило под непрерывным огнём воздействием противника. Немцы понимали, что от орудий прямой наводки мы не сможем отказаться, а если откажемся, то штурм не даст положительных результатов, и шедло обстреливали из пушек болотный пояс. Снегопад и туман в эту ночь мешали врагу вести уверенное наблюдение, но именно поэтому его предупредительный огонь не прекращался ни на минуту.

Близился рассвет. Начало артиллерийской подготовки было намечено на первый проблеск зари. Иначе противник сразу обнаружил бы орудия: они стояли на открытом месте.

И вот в бледных сумерках утра загворили все орудия с открытых и закрытых позиций. В течение пяти минут они вели ураганный огонь по заранее разведанным целям и укреплениям, расположенным в глубине обороны немцев. Всё живое было прижато к земле и замерло. Затем в течение получаса наши пушки методически громили эти цели. И, наконец, снова вся мощь огня обрушилась исключительно на передний край. Противник был ошеломлён, подавлен, деморализован, его батареи молчали, дзоты были разрушены, минные поля и проволочные заграждения размыты.

И тогда в атаку поднялась наша пехота. Вынырнув из леса, она быстрым броском форсировала болото, ворвалась в траншеи противника, очистила их от немцев и устремила на улицы селения, громя и истребляя отступающих гитлеровцев.

Так остроумный план, точно и умело выполненный, решил успех операции.

В подобных же условиях действуют танки. На первый взгляд может показаться, что применение тяжёлых машин здесь абсолютно исключено. Опыт доказал, однако, обратное. Танки сыграли и играют большую роль в борьбе за дороги и крупные узлы сопротивления. Но тактика их использования, конечно, иная. Массированное применение танков уступило место действиям мелкими группами вдоль существующих дорог и сухих перемычек.

В этих условиях гигантски возрастает роль хитрости и находчивости. В частях фронта очень популярен ратный подвиг капитана Константинова.

Шёл ожесточённый бой за важный рубеж. Подступы к нему были заболочены, а проходимые места заминированы. Пушечные в обход, наши танки всюду наткнулись на естественные или искусственные барьеры.

В сумерках на дороге показался немецкий танк, вышедший, очевидно, в разведку. У Константинова возник дерзкий замысел: он смело бросил свою машину вперёд и пристроился в кильватер немцу, следом примкнули и остальные наши танки. Сумерки сгустились. Не замечая свиты, фашистский экипаж уверенно шёл обратно, лавируя среди минных полей. Немецкие заставы, видя впереди командирскую машину, беспрепятственно пропускали грозный кортеж. Достигнув глубины немецкой обороны, наши танки открыли огонь и в первую очередь расстреляли своего поводья. Воспользовавшись паникой в стане врага, вперёд рванулась советская пехота и овладела рубежом.

Так, метр за метром, советские батальоны теснят и истребляют неприятеля. Немцы отлично понимают, что если советские войска вышвырнут их из болот, то на твёрдой земле наступление будет развиваться ещё быстрее. Тогда окажутся под ударом важнейшие коммуникации, имеющие жизненное значение для германской армии. Держаться за каждую кочку — вот смысл приказов немецкого командования. Надвигаясь наши войска неожиданным маневром заняли небольшое селение. Немцы предприняли серию упорных, дорогостоящих попыток вернуть утраченное. И, лишь похоронив в бесплодных контратаках несколько танков и до 200 солдат и офицеров, немцы примирились с утратой.

Неписанная летопись каждой воинской части пестрит подобными фактами. Вот рядовое, будничное донесение одной стрелковой части:

«В течение двух дней вели активные бои. Противник ожесточённо обороняет занимаемые позиции. Когда его выбили из траншей, он подверг сильной артиллерийской обработке наш передний край и при поддержке танков неоднократно переходил в контратаки. Так, сегодня с 5.00 до 10.00 немцы шесть раз контратаковали наши позиции. Наши бойцы отбили все контратаки противника и продвинулись вперёд ещё на несколько десятков метров. За один только сегодняшний день немцы потеряли убитыми и ранеными до 700 солдат и офицеров. Бои продолжаются».

Такова цена каждого метра, отвоеванной у врага земли.

Полесье.

ВОЙНА В ПОЛЕСЬЕ. Наши артиллеристы вытаскивают застрявшую в трясине пушку (снимок слева). Жители прифронтового села помогают сапёрам строить настил из брёвен через заболоченную местность (снимок справа).

Фото О. Кюорринга.

ВОЙНА НЕВИДИМОК

ЧАСТЬ 2. СИГНАЛЫ БЕДСТВИЯ

Ник. Шпанов

(Продолжение)

Иллюстрации Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Советские люди — капитан III ранга Житков и его друг Найдёнов — работают над лаком, сообщающим невидимость перископу подводных лодок. Немецкие шпионы — Витема и его сообщник Мейнш — пытаются добыть рецепт этого лака. Кроме этого задания Витема, едущий в СССР под видом англичанина Бра, должен выполнить диверсионные акты — подрывать транспорты, везущие военный груз в СССР. Витема в пути вербует Майлса — штурмана «Марии Глории» — и, инсценируя его, заставляет подложить в трюм зажигательные снаряды, заключённые в консервные банки.

Житкову и Найдёнову дано поручение преследовать Витему. С риском для жизни оба друга забираются на неприступный мыс Моржовый. Они подозревают, что отсюда подаются сигналы немецкой подводной лодке. Неожиданно к этому мысу подходит катер. На нём два незнакомца. Завязывается перестрелка. При перестрелке один из незнакомцев ранен.

Между тем сумерки сгущались. Катер уже почти сливался с водой. Ловить его в те промежутки, когда он выныривал из-за валов, становилось трудно даже простым глазам. Найдёнов поспешно снял трубу прицела и подполз к самому краю обрыва. Тщетно пытаясь поймать на мушку пляшущий катерок, он дал несколько выстрелов и тоже отложил бесполезную винтовку.

— Фантазматория! — с досадой проговорил Житков. — Что же будет?

— Через полчаса я смогу тебе ответить.

— Ты всегда отличался непостоянностью, физик. А я так уже сейчас скажу с точностью: пока мы здесь, они не рискнут высадиться. Значит, сегодняшний караван пройдёт спокойно: дежурная акула не получит сигналов.

— Это, конечно, очень приятно. Но ещё приятнее то, что мы теперь точно знаем: сигналы подавались отсюда.

— Судя по всему, — да.

— Остаётся проследить за катером.

— Легче сказать, чем сделать.

— Хотя бы пришлось переломать себе все кости, прежде чем он скроется из виду, мы должны быть на берегу и спустить свой катер.

— В самую высокую воду? — в сомнении спросил Житков.

— Пусть она доходит хоть до вершины мыса. Мы не можем — слышишь, Паша, — не можем упустить их!

— Остальное не требует пояснений, — Житков стал прилаживать к выступу скалы верёвку для спуска.

Через несколько минут он уже сползал по ней, упираясь ногами в неровности скалы. Найдёнов с винтовкой наготове ждал, пока он не достигнет подножия утёса. Но прибывшие, казалось, перестали интересоваться действиями друзей. Они подвели катер так близко к берегу, как только позволяла прибой, поставили его против волны, придерживая мотором, и выбросили дрэк.

«Повторяют наш маневр, — подумал Найдёнов, — не спускавший с них глаз. — Пока они будут выбираться из прибои, Павел успеет спуститься и возьмёт их на мушку».

Однако его ожидания не оправдались. Прибывшие не собирались выходить на берег. Как только положение катера стало более устойчивым, человек с автоматом перешёл на кор-

минуты был внизу и со всех ног бросился к шлюпке. Но огонь, раздаваемый крепким ветром, разгорался быстро. Костром полыхала кормовая банка над бензиновым баком.

Найдёнов не сразу увидел, в чём дело. Его внимание было сосредоточено на шлюпке противника. Лишь отблеск пожара заставил его свеситься со скалы и заглянуть в ущелье, где была спрятана их шлюпка. Он увидел своё судно уже ярко пылающим.

Почти не целясь, навскидку он стал стрелять по катеру злоумышленников, и ему показалось, что он ранил стрелка. Во всяком случае, тот выронил автомат за борт и упал внутрь катера, потом подполз к дрэкту и ударами ножа обрубил его.

С трудом выгребая против приливной волны, катер стал отходить от берега. По мере удаления движение его делалось быстрее. Найдёнов понял, что стрельба по нему — напрасная трата патронов, и, перекинув винтовку на спину, побежал к канату.

Спустившись на берег, он увидел Житкова, потрясающего над головой руками. Найдёнов подумал, что его друг изображает крайнюю степень бешенства, но, когда Житков протянул ему руки и Найдёнов увидел при свете пожара обезображенные ладони, он разорвал индивидуальный пакет и хотел сделать перевязку.

Но Житков отчаянно закричал: — Не то, не то! — он указал на пылающий катер: — Там сигнальные ракеты — всё взлетит на воздух.

Найдёнов бросился к катеру, но, к его счастью, он был от него ещё в двадцати шагах, когда раздался взрыв бензинового бака...

Когда первое возбуждение от постигнутого их несчастья прошло, Найдёнов перевязал израненные руки друга и стал оттаскивать подальше от горящего катера вынутые при высадке припасы.

Житков, скрипя от боли зубами, в бешенстве бегал по краю плато. Неожиданно остановившись над Найдёновым, сказал:

— Поддела всё-таки сделано, а? — Враг упушен, — с сожалением сказал Найдёнов.

— Но сюда они больше не сунутся, и сегодняшний караван пройдёт уже невредимым. Половину дела мы всё-таки сделали. А вторую доделаем вернувшись. Мы наступим ему на хвост, а?

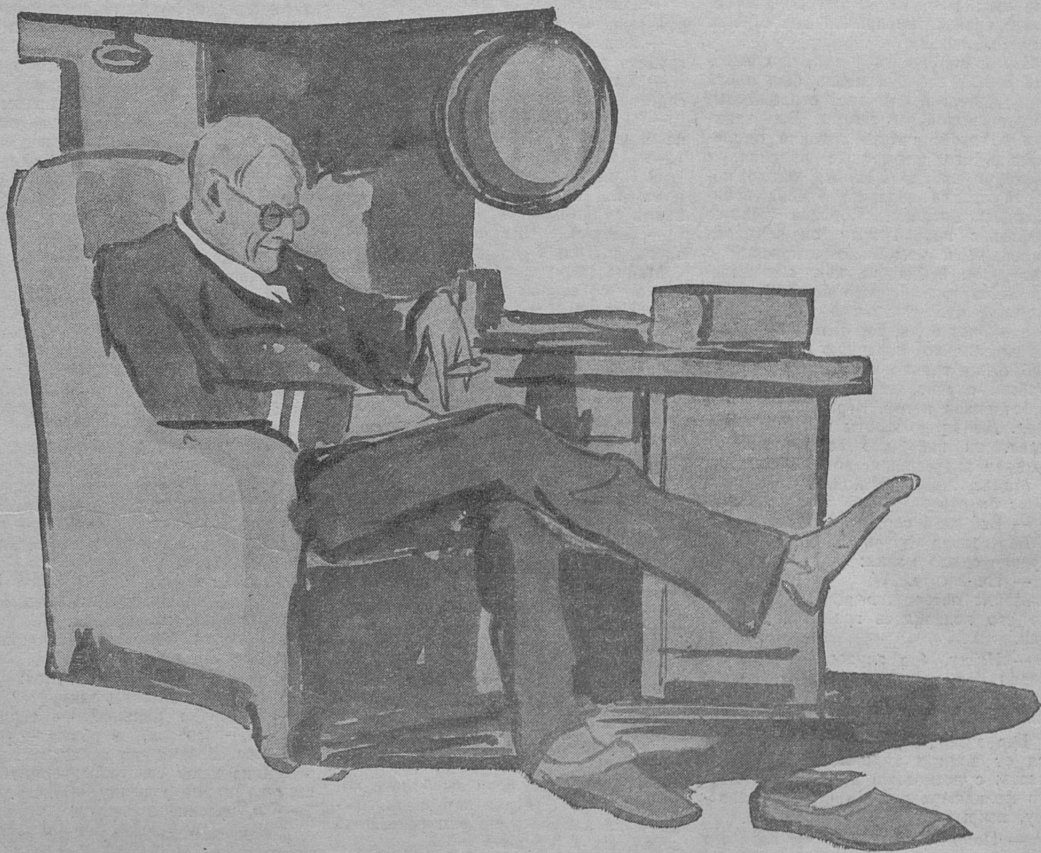
— Он оставил тебе визитную карточку?

— Да.

Найдёнов удивлённо поглядел на него.

— Он оставил на грунте свой дрэк.

Найдёнов посмотрел на кипящую, как в котле, воду прибор и с сомнением покачал головой:

— И в самую низкую воду до него будет несколько сажен.

— Даже если он ушёл к центру земли, я его достану,— со злобой крикнул Житков. Вдруг он присмирел и прислушался:— Караван?

Сквозь шум прибора Найдёнов услышал слабые отзвуки гудков.

— Караван.

— Жаль, что я не могу больше влезть туда,— Житков кивком показал на вершину Моржового.

— Отсюда тоже будет отлично видно, если что-нибудь случится.

Житков рассмеялся:

— Что может случиться, раз им не удалось здесь высадиться?

Найдёнов принялся складывать стенку из камней и заставил друга спрятаться за неё. Сам он принялся бережно собирать всё, что осталось от их имущества и могло пригодиться во время неопределённого, долгого плена на Моржовом.

— А знаешь что?— сумрачно проговорил Житков.— Судя по тому, как правильно всё это было разыграно, сдаётся мне, что они знали о нашей с тобой работе. Дали сюда придти, дали высадиться и... поймали как

мышей. Ох, чувствуется мне здесь знакомая рука!

— Ты только что клялся, что он сюда больше не сунется.

— А вот как проанализировал всё, чую знакомую руку.

— Руку или ногу?

— Лапу о четырёх пальцах... смотри-ка, смотри!— Житков вскочил и показал в море: тревожные ракеты одна за другой взлетали в воздух...

Яркое зарево пожара окрасило небосвод и отразилось в тёмном зеркале моря.

— Горит!

— Горит!

Проклятие сорвалось с уст Найдёнова.

Житков подскочил к самому краю плато и, казалось, вот-вот прыгнет в воду, чтобы вилась пуститься туда, где всё шире растекался отсвет пожара.

— А мы... в мышеловке!— в бешенстве крикнул он.

Найдёнов ничего не ответил. Он глядел на зарево, втянув голову в плечи и мерно покачиваясь на широко расставленных ногах.

— И всё-таки мы его возьмём.

3. МИСТЕР БЭР ПРИХОДИТ В ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

«Мария Глория» закончила разгрузку. Суперкаро «Марин» мистер Бэр тщательно рассортировал очищенные консервы: всё сошлось точно—ящик в ящик, унциа в унциу. Бэр сколотил документы, разложил по конвертам, надписав каждый из них и уложил в ящик стола.

Когда эта работа была закончена, Бэр откинулся в кресле, закурил сигару. Его глаза щурились от удовольствия, когда удавалось одно за другим пустить несколько ровных, медленно расширяющихся в неподвижном воздухе каюты колец. Он ловко пронзал их прямой, как стрела, струйкой дыма.

Бэр держал сигару так, что высокий серый столбик пепла был почти неподвижен. Когда этот столбик вырос до половины сигары, Бэр тряхнул головой, словно отгоняя одолевшие его блаженные видения, и повернул кресло к койке, около которой стояла пара до блеска начищенных ботинок. Сбросив тёплую туфлю с правой ноги, он подвигал пальцами и несколько мгновений с интересом наблюдал, как они шевелятся внутри пёстрого носка. Трудно сказать, что привлекало его внимание: может быть, всё, что ступня имела несколько странную форму: на ней было только четыре пальца. Во всяком случае, лишь полюбовавшись собственной ногой, Бэр обулся и вышел. Дойдя до каюты первого штурмана, он небрежно стукнул и, не ожидая разрешения, вошёл.

Майлс лежал в койке. При виде Бэра он отвернулся.

— Всё ещё сердитесь?

Бэр запер дверь и опустился в кресло около койки:

— Покажите.

Майлс осторожно повернулся. Лицо его исказило гримасой страдания.

— Ну-ну, без глупостей,— проговорил Бэр и без церемоний откинул одеяло. Под пижамой Майлса виднелись бинты.

Бэр заставил Майлса, корчившегося от боли и тихонько стонавшего, сесть; с ловкостью профессионального фельдшера он разбинтовал повязку, покрывавшую бок штурмана.

— Положительно, во мне погибает непризнанный хирург,—весело сказал Бэр.

Не обращая внимания на скулившего и причитавшего штурмана, он

промыл рану и наложил новую повязку.

— Дёшево отделались,—сказал он.

— Мистер Бэр,—штурман умоляюще сложил руки,— вы обещали спрятать меня с «Марин».

— Как только вы положите «консервы» на место.

— Хотя сегодня же ночью.

— Чтобы какой-нибудь идиот увидел их прежде, чем их накроют толстым слоем угля? Нет, Майлс, я уже сказал: вам придётся провести бункеровку по всем правилам.

— Господи боже, хоть бы уж скорей выбраться отсюда!

— Кэп не говорил, чем вас будут грузить в обратный рейс?

— Хлопок. Когда я думаю о содействии хлопка и ваших «консервов»...

— Я всегда держу обещание: вас не будет на «Марин».

— О, спасибо, спасибо мистер Бэр! Я не сомневался в вашем благородстве... Не можете ли сказать, на каком судне я вернусь домой?

— ...Домой?... Вы останетесь пока здесь, в Тихой.

Майлс рванулся было в койку, но тут же со стоном упал обратно.

— Нет, нет,—слезливо забормотал он,— всё, что хотите, только не это. Я боюсь русских...

— Пока вы больны, вас поддержат в госпитале, а потом, когда вы выздоровеете, то отлично сможете бывать на приходящих сюда английских и американских судах и делать то, что обязаны делать.

— Ни за что, ни за что на свете! Я не притронусь больше к вашим жестянкам.

Бэр его не слушал.

— Вы будете проникать в грузовые трюмы, в угольные ямы, к нефтяным цистернам. Вы чертовски кстати получили эту царапину. А то бы мне пришлось собственноручно проделывать в вас дырку, чтобы уложить в береговой госпиталь.

— Вам доставляет удовольствие смеяться надо мной, мистер Бэр? Вы не бросите меня здесь. Вы не можете, вы... не посмеете это сделать!

Бэр продолжал:

— Современем, если вы будете хорошо работать, я дам вам знать, когда и на каком судне вам разрешено вернуться в Англию.

— Боже мой, боже мой!— Майлс со стоном схватился за голову.— За чем я это сделал?

— Через два дня вы должны быть

на ногах. Если правда, что «Мария» примет хлопок, то вы сможете, не ожидая бункеровки, положить банки в грузовые трюмы. Два—три снаряда в каждый трюм совершенно достаточно.

Бэр прислушался. На палубе происходил характерный шум, означавший приготвления к погрузочным операциям. Машинисты проверяли лязгающие шестернями лебёдки; скрипели стрелы; грохотали по палубе расправляемые сетки. К речи английских матросов присоединились возгласы русских грузчиков. Бэр небрежно кивнул Майлсу и покинул каюту.

Поднявшись по главному трапу, он осторожно выглянул на верхнюю палубу. Стрелы приняла уже первая партия груза и опускали их в трюмы. По сходящим, проложенным от борта «Марин» к портовой эстакаде, тянулась цепь грузчиков с тюками хлопка. Этот товар не касался Бэра. Русские поставщики дадут своего человека для его сопровождения и сдачи в английский порт. Собственно говоря, Бэр мог бы спокойно отправиться на берег в клуб моряков, чтобы поболтать с коллегами с других кораблей, послушать новости с фронтов, может быть, перекинуться партия в фараон или бридж. Но нелюдный суперкаро «Марин» предпочитал оставаться на судне. Он вообще бывал на берегу лишь в случаях крайней необходимости. В остальное время он сидел на судне и притом почти безвыходно у себя в каюте или в капитанском салоне, когда шкипер звал его на стаган грога.

Если сейчас он выглянул на палубу, то всякий понимал, что его влекло туда не что иное, как простое любопытство. Прислонившись к притолоке полуотворённой двери, с сигарой в зубах и со скрещёнными на груди руками, мистер Бэр наблюдал происходящее. Его внимание привлекали не механизмы, наполнявшие чётким гулом палубу, не тугие тюки советского хлопка, сбрасываемые грузчиками на отполированные доски спуска. Суперкаро пристально гляделся в лица грузчиков, вереницей шедших мимо него с тюками и бойко пробегающих к обратной стороне после освобождения от груза. Это были здоровенные парни с загорелыми лицами, с крепкими кулаками, горчавшими из рукавов брезентовых спецовок. Молодые, пожилые и старые—они все одинаково крепко ступали по палубе. На каждом из них останавливался на мгновение взгляд суперкаро и переходил к следующему, пока, наконец, не задержался на коренастом, необыкновенно плотном человеке с окладистой бородой, мерно шагающем под тяжестью огромного тюка. Увидев его, Бэр притворил дверь и, быстро перейдя на противоположный борт, обогнул надстройку и подошёл к люку, в который сбрасывали хлопок. С видом праздного наблюдателя он приблизился к бригадиру, считавшему тюки, и протянул ему пачку сигарет.

— Угощайтесь, пожалуйста,—сказал Бэр довольно чисто по-русски.

— Не палим.

Старый грузчик, на которого Бэр давеча обратил внимание, подошёл к трюму и сбросил свой тюк.

— Отмечай, бригадир,—прохрипел он простуженным басом.

Суперкаро быстро обернулся:

— Может быть, вы закурите?

— Верблюда вашего?—спросил грузчик.—Что ж, верблюд—тоже папироса. Возьму, но не иначе как в обмен на наши советские,—он вытащил из кармана пачку «Бокса».

— О, русские папиросы!

Тонкие пальцы Бэра жадно схватили пачку.

Через минуту, небрежно насвистывая, Бэр вошёл к себе в каюту. Но как только он переступил её порог и

затворил за собой дверь, от его не-принуждённости не осталось и следа. Он высунул на стол только что полученные от грузчика папиросы и принялся внимательно исследовать их: отрывал курку, разматывал картон мундштуков, рассматривал его на свет лампы. Через несколько минут перед ним лежали двадцать пять тщательно расправленных, прижатых прессом кусочков мундштучного картона. Он разложил их в определённом, одному ему понятном порядке и вооружился лупой. Предметом его изучения явились крошечные дырочки перфорации, остающиеся от просечки зубчиков, предназначенных для удерживания в мундштуке ваты. Когда все кусочки картона были изучены, Бэр жестом фокусника, удовлетворённого собственным тонким искусством, подкинул лупу и, поймав, звонко прищёлкнул:

— Оп-ла.

Он скомкал мундштуки, бросил в пепельницу и поджёг. Туда же полетели остатки курок и обложка.

«Итак,—думал Бэр,—мой добрейший Юстус снова со мной. Если это—ещё не всё, то, во всяком случае, много. Никто лучше Мейнша не сумеет присмотреть на берегу за этим истерическим кретином Майлсом. А если у штурмана будут слишком дрожать руки, Мейнш уберёт его ко всем чертям—дело будет сделано чистом».

Бэр отворил иллюминатор.

— Оп-ла!—он шелчком отправил за борт окурки сигары и, подумав, высунул туда пепел, оставшийся от сожжённой пачки «Бокса».

Когда он вошёл в каюту Майлса, тот посмотрел на него с удивлением: впервые за всё плавание видел он на лице сумрачного суперкаро нечто вроде улыбки.

— Благодарите бога и меня, Майлс, и... живо одевайтесь.

Выражение удивления сменилось у штурмана испугом:

— Вы же сказали: два дня, мистер Бэр.

— Через полчаса вы возьмёте на себя руководство погрузкой. Хлопок, мистер Майлс, хлопок! Джентльмен должен понимать, что это значит. Вам никогда не доводилось видеть пожар на складе хлопка? Нет? Вы много потеряли. Зрелище достойно голливудского боевика. А если к этому прибавить открытое море, хороший ветер, раздувающий пламя до высоты Марса, колокола тревоги, вой сирены, ракеты, взлетающие к небу! Ого, тут даже наш старый адепт высокой миссии моряка забудет о своём британском боге и в ночных туфлях поспешит к спасательному боту. А в днище всех спасательных судов... окажутся дыры. О, я бы дорого дал за право присутствовать на этом спектакле. Вы обратили внимание на то, что я сказал, Майлс? «Все спасательные средства «Марин» будут приведены в негодность».

— Я вас не понимаю.

— Не стройте из себя младенца... Прежде чем покинуть «Марин», вы должны «позаботиться» о спасательных шлюпках. Теперь понятно?

— Мистер Бэр... речь идёт о моих товарищах.

— Поздно, поздно, мистер Майлс. Об этих тонкостях нужно было думать раньше. Теперь время действовать. Иначе...

— Мистер Бэр!..

— К утру всё должно быть закончено: и снаряды в трюме и шлюпки, а сами вы отправитесь в береговой госпиталь. Ну, одевайтесь. Через полчаса я зайду за вами.

Бэр исчез, оставив испуганного штурмана, сжавшегося в комоч дрожащего мяса.

(Продолжение следует.)

СОЛДАТ-ПОЛКОВОДЕЦ *

(Книга о Суворове)

Книга Кирилла Пигарева «Солдат-полководец» — очерки о Суворове — прекрасная дань бессмертной памяти русского героя. Образ «солдата-полководца» воскрешён в ней с тех именно сторон, которые не подвергались до сих пор ни специальному изучению в военно-исторической литературе, ни раскрытию в литературе художественной. Книга К. Пигарева показывает, что автор прекрасно знает исторические документы; он с исключительным вниманием, теплотой и любовью воспроизводит образ Суворова. Главная тема книги, объединяющая все частные темы, — «Суворов — военный воспитатель...». Он неизменно выступает перед нами как полководец и как воспитатель духа русского воина. Кровавая связь Суворова с родным народом, с национальными традициями его истории и культуры обусловила исключительную действенность его военно-воспитательной школы и неуывающую жизненность его заветов.

В книге Пигарева перед нами встает полководец, трудившийся над усовершенствованием и развитием военной науки Петра I, Салтыкова и Румянцева. Эта наука как законченная система русского военного искусства стала достоянием суворовских преемников — Кутузова, Баграциона, Кульнева, а через них — защитников Севастополя, Брусилова. Суворов был образованнейшим человеком своего времени, убеждённым в том, что фундаментом военного знания должно быть общее образование. Он требовал от его подчинённых.

Чудесна слава бессмертных побед Суворова. Чудесен образ воителя, не знавшего поражений в долгой полководческой жизни своей. Но сам Суворов — не чудо. Его гений расцвёл на богатой почве русских военно-исторических традиций. Полководческая генеалогия Суворова включает в себя стратегию и военную педагогику Петра I, прекрасное умение добродушно-грозного фельдмаршала П. С. Салтыкова и блестящее военное мастерство учёного фельдмаршала П. А. Румянцева. Гений Суворова превратил полководческую науку Петра в развитую и законченную систему русского военного искусства и военного воспитания. Суворов «завещал» потомству свое военное искусство и свой пример. Лучшим его учеником был Кутузов. Оба они являлись воспитанниками русской военной школы. «Важно быть суворовцем, оставаясь самим собой», — говорит Пигарев. — Кутузов был настоящим суворовцем, но прежде всего — Кутузовым». Он был «не тенью Суворова, а Кутузовым, русским полководцем».

Суворов с юношеских лет и до последних дней жизни — прилежный читатель лучших произведений западноевропейской и русской литературы. Он как рыба в воде плавал в громадном наследстве, оставленном человечеством творцами «вечных книг» — от Цезаря до Вобана, от Плутарха до Руссо. Суворов жадно разыскивал в науке и искусстве всё, чем «мужается» чело-

веческий дух. Он требовал, чтобы и подчинённые ему командиры знали не только своё, военное дело практически и теоретически, но ещё кроме того были и вообще людьми образованными. Ведь они должны воспитывать,

А. В. Суворов.

поднимать до себя солдат! Суворов создал «образ героя», описал его в новых и ярких чертах.

Не слишком ли, однако, требователен был полководец к своим «детям», к своим «чудо-богатырям»? Нет. Всё, что он хотел от них, — высоких черт идеального «образа героя» — заключено было в нём самом.

Положив руку на сердце русского солдата, он слышал его биение и «возбуждал его к мужеству». Чудесна власть его над душами «чудо-богатырей»! Суворов — великий мастер не одних лишь атак штыковым действием на боевых полях, но и других наступлений — «словом и пером». Он блестящий военный оратор, в импровизациях которого сверкает и искрится подлинная русская народная речь. Он удивительный автор чеканной «Науки побеждать» и множества приказов, вдохновенность которых хватала солдата за сердце, а меткий лаконизм подстёгивал солдатскую мысль. Наконец, из-под пера Суворова вышло немало писем, замечательных и по форме и по содержанию.

Все эти стороны величественной личности Суворова с большим знанием вопроса, с любовью к теме талантливо и умно раскрыты К. Пигаревым в его книге. Она поднимает интерес к военно-историческому знанию, предохраняет от некоторых неправильных суждений, внушает уважение к стратегическому мышлению, будит и воспитывает военную мысль.

*

Время грозной борьбы, которую мы ведем сейчас за честь и свободу родины, делает работу К. Пигарева особенно нужной. В системе нашей обороны проявила себя трезвая мудрость расчёта, готовящего жестокие наступательные удары по врагу. В наших наступлениях сказались и сказываются

ся энергия и воля народных масс, руководимых партией и вождём народов товарищем Сталиным. Поистине великий полководец, ведущий армию и народ наш к победе! Все, кто живёт в наши дни интересами борьбы за оте-

чество, прочитают прекрасную работу Пигарева с увлечением и пользой для себя и с тёплой признательностью к автору.

С. Голубов

СИЛА СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Новая книга Андрея Платонова озаглавлена «Рассказы о Родине» (Гослитиздат). Родина, беззаветная любовь к ней, любовь, побеждающая смерть и потому сокрушающая врага, сила советского патриотизма — вот внутренняя тема книги Платонова.

Особенно ярко звучит эта тема в рассказе «Одухотворённые люди», где описывается героическая гибель пяти героев-краснофлотцев на подступах к Севастополю. Расстреляв все патроны, моряки-патриоты опоясались гранатами, бросились под фашистские танки и погибли смертью храбрых, не допустив стальные чудовища к городу. Автор рисует картину неравного боя и величественной гибели пяти краснофлотцев. Он показывает, как росли в борьбе с врагом эти люди, как обогащались их внутренний мир, как созрели они для подвига, всё глубже понимая, что «надо защищать добрую правду русского народа нерушимой силой солдата». В речи одного из пяти — политука Фильченко — автор раскрывает перед нами всё величие подвига моряков, показывая, что этот подвиг был не «героизмом отчаяния», но актом сознательного самопожертвования за родину, сознания своей силы, своего превосходства над врагом.

И враг понял это. Немецкие танки не выдержали боя с моряками «и пошли обратно через полынное поле, в своё убежище за высотой. Они могли биться с любым, даже самым страшным противником. Но боя со всемогущими людьми, взрывающими самих

себя, чтобы погубить своего врага, они принять не умели». Картина боя краснофлотцев с танками дана настолько ярко и выразительно, что несомненно запомнится читателям.

«Одухотворённые люди», — бесспорно, наибольшая удача сборника. Рассказы Платонова («Рассказ о мёртвом старике», «Броня», «Железная старуха», «Дед-солдат», «Крестьянин Ягафир») различны по своим художественным достоинствам. Иногда автор, как бы не доверяя объективной убедительности повествования, заставляет своих героев упорно повторять какие-нибудь сентенции, раскрывающие идейный смысл произведения. Отсюда в некоторых рассказах излишнее философствование главных действующих лиц, нарушающее художественную правду (например «Рассказ о мёртвом старике»). Но несмотря на эти недостатки книга А. Платонова интересная и ценная.

Черпая из действительности, автор создал яркую галерею советских патриотов, одухотворённых людей, вставших на смертный бой с тёмными силами фашизма. Словами старого крестьянина, разрушающего для погибевшего врага колхозную плотину, очень верно сформулировано народное понимание Отечественной войны как вынужденного перерыва в мирном созидании, в труде, который с новой силой возобновится после победы: «Ты видишь: у меня руки оружием заняты! Как управлюсь с врагами, так плотину всю снова слою. Мы своё добро только на время рушим».

Л. Лозинская

ДВЕ ПОЭМЫ

Северный фронт Великой Отечественной войны мало описан в нашей литературе.

Две книжки, две поэмы А. Коваленкова — «Северный бастион» и «На высокой волне», — выпущенные Государственным карело-финским издательством, отчасти восполняют этот пробел в нашей военной поэзии.

Крови храбрых, великому сражению за Мурманск, героям Северного фронта посвящает свои поэмы А. Коваленков. Решающую битву за полярный красавец-город он показывает в «Северном бастионе».

«Разное бывало, — говорит поэт, — но этот бой нельзя забыть никак».

«За часом час долину заливало крутым, солёным кипятком атак».

Отборные части бросило сюда немецко-финское командование, и Коваленков скрупили строчками поэта-летописца рассказывает о финале этого наступления:

«Куда лишь глаз хватал, — везде лежали тела немецких горных егерей.

Как будто саранчу побито градом!.. Средь валунов, лишайников седых, на заполярных каменных громадах, настигла смерть и раскидала их...» С ненавистью говорит поэт о врагах и с грустью склоняется над телом павшего товарища:

«Придёт пора — его простое имя, На камне нацарапанное мной, Мы буквами запишем золотыми Во всенародный список послужной...»

«На высокой волне» — поэма о жизни и смерти Героя Советского Союза радиста Ф. Лузана. Поэма выполняет

данное в «Северном бастионе» обещание — написать золотыми буквами имя героя во всенародный список послужной.

Поэма-памятник имеет точный и любопытный сюжет. Первая встреча врагов — советского мальчугана и гитлеровского фашистского сброды — происходит в эфире:

«В наушниках скрежет и вой, как будто в заброшенной старой штольные

какая-то нечисть кричала совой». Но потом в карельских лесах советский мальчуган, ставший уже зрелым воином, встречает тех, «что хрюкали в эфире».

«На берегах, где бьёт копытном лось», врагам была приготовлена достойная встреча:

«Сквозь рябь листвы из каждого дула

смерть снайперским на них глядела оком, железным журавлём вверху плыла, фугаской-ведьмой мчалась к их окопам».

Ф. Лузан погиб как герой в борьбе за честь и независимость нашей родины.

В ярких, художественных образах раскрывает поэт психологическую основу героизма советского человека, для которого

«Родина — это не куст сирени, Мирно цветущей у нас за спиной. Уголь сожжённых врагом селений Снится мне чаще, чем дом родной».

Хорошо передан А. Коваленковым суровый пейзаж Северного фронта.

В. Емельянов

* К. Пигарев. «Солдат-полководец». Госполитиздат. 1943 г.

Искусство

«ОТЕЛЛО» В ТЕАТРЕ имени МОССОВЕТА

Отелло — лауреат Сталинской премии Заслуженный артист республики Н. Мордвинов; Дездемона — артистка З. Шигаева.

Фото Л. Смирнова

Театр имени Моссовета поставил «Отелло». Спектакль сделан народным артистом РСФСР Ю. А. Завадским с большим мастерством.

В трактовке трагедии Ю. А. Завадским необходимо отметить ряд новых моментов. Сюда относятся прежде всего подчёркивание в характере Яго и в его поведении — ревности к Отелло, которого он подозревает в былой связи со своей женой Эмилией. Сам будучи

ревнивым, мстительный Яго платит Отелло его же монетой. Такая черта в характере Яго, превосходно показанная артистом Ю. П. Олениным, пожалуй, лучше раскрывает психологические мотивы его поведения, чем зависть к Кассио, которая в данной постановке оказывается только дополнительным мотивом.

Другой интересный момент — это отношения Яго и Эмили, которые представлены на всём протяжении

пьесы как любящие супруги в противовес обычной трактовке, заставляющей Яго третировать Эмилию и рассматривать её только как орудие для своих гнусных замыслов. Однако для того, чтобы такое чувство в образе Яго было убедительным, он должен быть моложе и красивее, чем это показано артистом Олениным (ведь по пьесе Яго — 28 лет!). Кассио, напротив, должен быть старше Яго, что объясняет его генеральскую должность заместителя командующего. Между тем в исполнении артиста И. Н. Русинова он безусый, наивный юнец. Это освящено традицией, хотя и безусловно неправильно. В пределах своего задания артист Русинов играет легко и свободно. Артист Оленин необычайно ярок. Грубоватость его речи и манер, дьявольская усмешка, скользящая по его устам, большой ум, который проглядывает в его поведении, — всё это вполне в стиле образа, который оказывается разоблачительным.

Зато совсем мало красок в образе Дездемоны в исполнении артистки З. М. Шигаевой. Здесь только прекрасные внешние данные и искренние сердечные интонации. Образ Дездемоны в исполнении Шигаевой статичен, лишён характерной для Шекспира динамичности и контрастов. В ней нет и намёка на смелую девушку эпохи Ренессанса — шекспировскую Дездемону, которая так решительно порвала со своей семьёй, выйдя замуж за мавра. Больше движения в образе Эмили, но артистке О. А. Викланд более удалась Эмилия первых актов — весёлая кумуш-

ка, чем героиня-обличительница последнего акта.

Самая сложная задача в спектакле выпала на долю артиста Б. А. Мордвинова — Отелло. Его образ сделан с большой теплотой, правдивостью, человечностью, благородством. Это именно тот образ Отелло, который нужен нашему театру, образ носителя гуманистической морали, большой внутренней чистоты и красоты, образ антипода Яго. Но при всём том Мордвинову несколько не хватает драматизма в конце пьесы. Он лиричен даже в те моменты, когда должен потрясать зрителя трагизмом своей судьбы. И только финальный монолог Отелло, являющийся суд над самим собой, произносимый, в отступление от традиции, на просцениуме, сделан ярко и убедительно в соответствующем тоне. Это — самое сильное место роли Мордвинова.

Текст трагедии умело смонтирован из различных переводов, обработанных В. Э. Моричем, и искусно сокращён, чтобы уложиться

в предельные временные рамки, допустимые для современного спектакля.

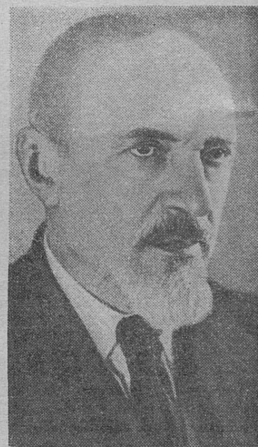
Режиссёрская культура спектакля на очень большой высоте. Разработка мизансцен, сценический ритм отдельных кусков, массовые сцены сделаны мастерски. Оформление спектакля (художник М. А. Виноградов) необычайно красочно и выразительно. Венеция XVI века показана в стиле Тинторетто, этого величайшего мастера венецианского городского пейзажа позднего Ренессанса. Очень удачно использованы режиссёром и художником элементы традиционной шекспировской сцены, реалистически оправданные в спектакле. Музыка композитора Ю. Т. Бирюкова даёт хороший эмоциональный фон развивающемуся действию, хотя местами носит чересчур симфонический характер.

В целом спектакль «Отелло» следует признать крупной художественной удачей.

Проф. С. Мокульский

ПОЛВЕКА ИСКУССТВА

Пятьдесят лет назад внимание посетителей выставки картин воспитанников Московского училища живописи, ваяния и зодчества привлекал натюрморт работы ученика Серова — Константина Юона. Это было в 1894 году. С тех пор вот уже в течение пятидесяти лет картины старшего русского художника занимают почётное место на многих выставках. Мастер реалистического рисунка, заслуженный деятель искусств К. Ф. Юон продолжает традиции лучших представителей русского изобразительного искусства.

Лауреат Сталинской премии заслуженный деятель искусств К. Ф. Юон.

В этом году художник отмечает ещё одну знаменательную дату в своей творческой жизни — исполняется 25 лет работы в стенах старейшего русского театра — Государственном ордена Ленина академическом Малом театре. В мастерской художника мы увидели эскизы к пьесе М. Горького «Старик» — первой его работы для театра.

В настоящее время художник работает над большой исторической картиной из жизни древнего Новгорода.

— Одновременно с работой над этой картиной, — говорит художник, — я с большим увлечением работаю по оформлению цветного фильма «Иван Никулин — русский матрос». Это — моё первое «выступление» в кино.

К. Ф. Юону предстоит сделать свыше тридцати цветных композиций, отображающих отдельные эпизоды картины. Многие из них уже готовы. Такие

композиции, как «Вечер в степи», «Севастопольское кладбище», представляют большой художественный интерес.

В мастерской у художника стоит закрытый материей холст.

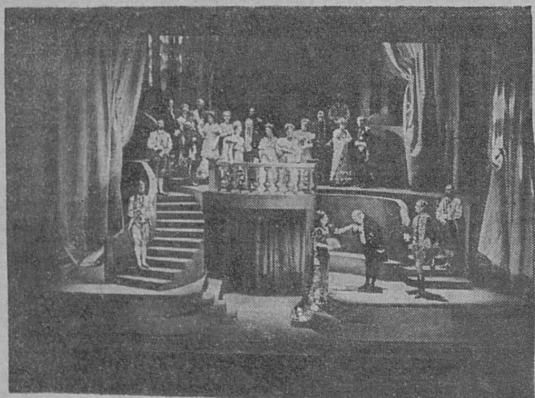
— Эта картина, — говорит художник, — начата мною ещё в 1916 году. Писалась она с натуры в одном из подмосковных сёл и называется «Девичник». Сейчас я заканчиваю эту работу...

Перед нами красочный холст, на котором запечатлён старинный русский обряд: подружки, кумушки пришли проводить сидящую за столом, плачущую невесту.

В. Шевцов

ЗА РУБЕЖОМ

«ВОЙНА И МИР» НА ЛОНДОНСКОЙ СЦЕНЕ

В лондонском театре «Феникс» с успехом идёт «Война и мир» в постановке Тома Арнольда, по роману Л. Н. Толстого. Начинается пьеса прологом: 1941 год, немцы рвутся к Москве; группа бойцов слушает рассказ о героическом прошлом русской армии, о славном эпизоде 1812 года.

В пьесе тридцать две сцены, участвует около восьмидесяти актёров.

Огромная трудность постановки — тридцать смен декораций преодолена применением сцены на пяти уровнях. Пока действие идёт на одном уровне, актёры собираются на другом. Сцена движется. Для фона — задника — широко используются ширмы. Смена картин занимает около десяти секунд.

Ведёт пьесу «от автора» актёр Генри Оскар, не сходящий со сцены в течение трёх с половиной часов.

АНГЛИЙСКИЙ БАЛЕТ НА МУЗЫКУ ЧАЙКОВСКОГО

Известная английская балетная труппа Садлерс Уэллса поставила балет, музыкой к которому послужила увертюра Чайковского к трагедии Шекспира «Аякс».

Балет поставлен Робертом Хейль йманом, декорации — в сюрреалистической манере — Лесли Харри.

ЮБИЛЕЙ РУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Первопечатник Иван Фёдоров. Скульптура на памятнике в Москве.

В текущем году исполнилось 380 лет с начала у нас книгопечатания. Издатель первопечатной русской книги сам написал к ней «Послесловие», где передал историю возникновения нового дела. Царь, говорит он, возвысившийся приобретением «новопросвещенного места», то есть покоривший Казанское царство—оплот постоянных насильников Русской земли,—обратил внимание на культурное строение. Воздвигаются церкви затейливой архитектуры, богато украшенные живописью, жилые палаты. Царь кладёт основание библиотекам при церквях: «Повеле книги на торжищах куповати»; на рынках, по его приказу, начали скушать рукописи. Среди рукописей нередко попадались древние, обветшавшие, с ошибками; их переписывали, исправляли, реставрировали. И вот царь «начал думать» о печатании книг, наиболее необходимых, так как, «у греков, в Венеции, во всей Западной Европе подобное заведено давно. Своей думой царь поделился с

митрополитом Макарием, с восторгом встретившим благое начинание.

Повелением царя, с благословения митрополита Макария, в 1553 году началось оборудование «Печатного двора», первой типографии. Стали прикидывать мастеров. В руководители пригласили дьякона Кремлёвского дворцового собора Николы Гостунского—Ивана Фёдорова, в товарищи придали Петра Тимофеева, родом мстиславца.

«Вдовый дьякон» Иван Фёдоров, автор «Послесловия» к первопечатной книге, и малоизвестный (сведений о нём не дошло) Пётр-Тимофеев стали, таким образом, первыми русскими печатниками. На тридцатый год царствования Ивана IV, 19 апреля 1563 года, приступили к оформлению первой русской книги, вышедшей 1 марта 1564 года. Книга эта — «Апостол».

Десять лет шла созидательная работа. Понадобилась основательная подготовка. Надо было установить наиболее приемлемый рисунок шрифта, подготовить, награвировать иллюстрацию, выписать из-за границы бумагу, проделать ряд пробных тиснений. Особенно трудно оказалось выбрать исправный текст для издания. Прежние рукописные книги от небрежности, невежества переписчиков изобиловали описками, ошибками. Даже в наиболее тщательных списках орфография проводилась далеко не однообразно. Первопечатники впервые ввели в орфографию наибольшую систематичность, положив тем самым основание правописанию как науке.

Книга вышла на редкость тщательно выполненной. Прекрасная бумага до сих пор сохраняет первоначальную свежесть, шрифт чётко, красивого рисунка, выбран из лучших почерков тогдашнего рукописного «полуустава»; текст предваряется «заставками», гравированными виньетками по лучшим западным образцам, приложенная гравюра евангелиста Луки окружена рамкой, напоминающей архитектурные мотивы итальянского Возрождения, мотивы, встречающиеся также в чудесных русских соборах московского Кремля. К изящному шрифту с его орфографией, к оригинально

выполненным гравюрам следует прибавить высокие достижения в оформлении как в формате, так и в подгонке киновари к чёрному шрифту.

После «Апостола» приступили к изданию «Часовника»—книги, необходимой при совершении богослужения. 29 сентября 1565 г. книга вышла из типографии, и в том же году, в октябре, понадобилось её второе издание. Московская типография не пришла по вкусу мракобесам. Уходящая средневековая схоластика попробовала дать бой веяниям нового порядка. Над типографщиками нависала клевета, их стали уличать в ереси, говорили, что «священные книги» должны писаться от руки, а не создаваться некоем иноземною хитростью, перенятой от иноверцев.

В послесловии к «Часовнику» Иван Фёдоров попробовал было разъяснить, оправдать типографскую деятельность, но хулители оказались сильнее. Просвещённого Макария сменил человек нетерпимый, с узким кругозором.

Беспощадные гонители еретичества охотно припомнили «спасительные» приёмы испанской инквизиции, видели в ней решительное средство для искоренения вредных уклонов.

Ивану Фёдорову с товарищем пришлось придумать: печальный исход становился несомненным. Тогда, уложив всё необходимое из типографского имущества, первопечатники незаметно выбрались из Москвы, держа путь к границе Литовско-русского государства. Печатный двор, оставленный без присмотра, сожгла возбуждённая мракобесами толпа.

Полна драматических моментов судьба беглецов из Москвы. Первопечатники с великой грустью покидали любимое дело в Москве. В Вильне судьба свела их с гетманом Ходкевичем, влиятельным вельможей, всеми силами боровшимся против ополячивания русского народа, жителей Западной Белоруссии и Западной Украины. Ходкевич пригласил Фёдорова и Тимофеева в своё имение Заблудов, где предложил оборудовать типографию. Он понимал великое значение печатного станка. Печатники с усердием принялись за любимое дело. В марте 1569 года вышло изданное на средства Ходкевича «Евангелие», предназначенное как книга, написанная на понятном народу языке, как орудие против католической и униатской пропаганды.

По напечатании «Евангелия» Пётр Тимофеев отъехал от Фёдорова в Вильну. Но у того подросток сын Иван; отец стал готовить его себе в помощники. Работа продолжалась. В 1570 году из той же типографии вышла «Псалтырь». Фёдоров ждал дальнейших заказов. Но они не последовали. Ходкевич предложил закрыть типографию: он предупреждал мастера, что при существующем положении опасно заниматься подобным делом. Тогда Фёдоров решил покинуть подаренную ему Ходкевичем деревню, начать поиски новых мест для продолжения любимого дела. Его манил торговый Львов. Через десять лет по выходе московского «Апостола» Фёдоров, в феврале 1574 года, выпустил снова книгу «Апостол». Издание выполнено столь же искусно, как и

все предыдущие работы мастера. Новая книга очень походила на московскую первопечатную, только гравюру евангелиста Луки пришлось вырезать вновь. Предстояло вести дело дальше, но средств не появлялось, книги расходились туго, комиссионеры наживались, неакуртно выплачивали деньги за проданный товар.

Выручило приглашение другого вельможи, такого же ревнителя православия, борца за национальную независимость, как Ходкевич, князя Константина Острожского. Он предложил Фёдорову оборудовать типографию у себя в Остроге.

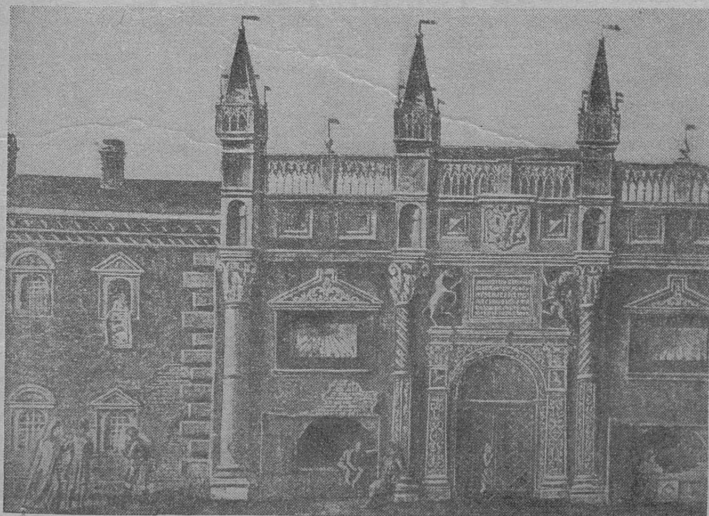
Первая страница книги «Апостол».

С начала 1580 года Фёдоров снова у печатного станка. В один год им изданы «Псалтырь» и «Новый завет»; затем на русском языке — алфавитный указатель к «Новому завету». Но самой выдающейся работой Ивана Фёдорова за это время, явлением в высшей степени примечательным по выполнению и замыслу, стала изданная им «Библия». Типографское её выполнение до сих пор считается образцовым. Книга вышла в августе 1581 года.

По отпечатании «Библии» Иван Фёдоров вернулся во Львов, где у него оставалось дело, жила семья, сын имел книжную лавку. Фёдоров решил восстановить собственное издательство. Затрудняло отсутствие денег, снова приходилось обращаться к ростовщикам. Престарелый мастер, однако, не остановился перед риском, поборол препятствия, сделал шрифт, купил бумагу. С осени надеялся приступить к работе. Но осенью он захворал; организм не справлялся с болезнью. Кредиторы поспешили наложить арест на имущество. Книжки, типографские принадлежности пошли с нечестных торгов.

Шестого декабря 1583 года умер в нищете замечательный русский первопечатник Иван Фёдоров, но не умерло начатое им великое дело.

Проф. С. Шамбинаго

Московский печатный двор в XVIII веке.

СПОРТ

ВЕСЕННЕ-ЛЕТНИЕ СОСТЯЗАНИЯ

В апреле в Московском плавательном бассейне произойдет встреча двух мировых рекордсменов—Бойченко и Мешкова.

Майская спортивная программа весьма разнообразна. Как и в прежние весны, Садовое кольцо будет ареной увлекательных состязаний между бегунами, а также между любителями велосипедного спорта. В мае разыграют своё первенство в Москве боксеры. Определятся будущие участники турнира на звание абсолютного чемпиона СССР. На ринге встретятся Королёв, Сгуренков, Линнямяги, Ганькин и другие мастера бокса. Состоится весенний профсоюзно-комсомольский кросс. Начнутся календарные встречи мастеров футбола на первенство Москвы. На зеленейших стадионах появятся гроссмейстеры кожаного мяча: Федотов, Якушин, Ильин, Акимов, Василий Соколов.

В Свердловске в конце марта закончилось первенство СССР по лыжам 1944 года. На снимке: участник первенства заслуженный мастер спорта В. Андреев (Тбилиси) во время прыжка с трамплина.

Фото Н. Волкова

Розыгрыш приза имени Кирова по конькам в городе Кирове. Победители приза: слева — мировая рекордсменка М. Исакова («Динамо», Москва); справа — заслуженный мастер спорта И. Ананков.

Фото Н. Волкова.

В июне болельщиков будет волновать розыгрыш «Кубка СССР» по футболу. В Ростове у штанга встретятся мировые рекордсмены, чтобы поделить звание чемпионов СССР по весовым категориям. В руках советских чудо-гиревиков родятся новые рекорды.

В августе состоятся три спартакиады: спортсменов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Соревнования намечены в Грозном или в Краснодаре, в Иркутске и в Чите. В Ростове произойдет схватка за баскетбольное первенство СССР. На московских кортах встретятся сильнейшие теннисисты, чтобы разыграть звание первой ракетки страны. Во Владивостоке намечается дальневосточная парусная регата.

В сентябре в центре спортивных событий будет стоять Тула: здесь произойдут велосипедные гонки с участием чемпионов СССР 1943 года Батаева, Тарачкова, Кондрашкова, Ларионовой, Рутковской, Дьяконовой. В Воронеже ожидается встреча мастеров холодного оружия — рукопашников, в городе Горьком — поволжская регата парусников, в Москве — Всесоюзный мотокросс и первенство СССР по стрельбе. На футбольных полях состоятся заключительные матчи на первенство Москвы. Две спартакиады — среднеазиатских республик (в Ташкенте) и Закавказья (в Баку) — дополнят спортивный сентябрь.

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта СССР

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

ПРЕДАНИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ НАШИХ ГОРОДОВ

Переяславль. По древнему русскому народному сказанию, город Переяславль был основан великим князем Владимиром в ознаменование победы русского отрока над печенежским богатырем «зانه переславу».

Ахтырка. В старину, во времена монгольского ига, на месте теперешнего города Ахтырка находилось небольшое татарское поселение Ахты-яр. Потому оно было завоевано казаками, переименованными Ахты-яр в Ахтырку.

Тбилиси. В V веке Грузией правил царь Вахтанг Горгасал. Однажды во время охоты в лесу он подстрелил фазана, который упал в горячий источник. Там сварился. На этом месте по приказу царя Вахтанга был основан город, названный «Тбилисикалаки», что по-грузински означает «теплый город». Отсюда и произошло название города Тбилиси.

Вязники. Существует интересное народное сказание в стихах об основании города Вязники:

«Яреполче город был. В нём тогда Ки князем жил. Он любитель был охоты. И собрался раз в болоты Яреполче на горе, А болота при реке... Лук и стрелы взял с собой. И сошёл с горы крутой; Был он очень деловит, Видит: уточка летит, Натянул он тетиву. И пустил в неё стрелу. Метко очень он стрелял, В утку сразу он попал. И полез за нею Ки. Утка пала в тростники, Ки ногою оступился. И в болото провалился. Стал тут бедный Ки кричать. И народ на помощь звать... Услыхали мужики, Но жесток был с ними Ки, И ответили они: «Не жалеем, вязник, Ки!» Князь был умный после Ки. И велел он развести Все владения свои. От горы и до реки. Стали почву поднимать. И болота осушать. Как болота осушили, Город малый заложил; И на память о злом Ки Был он назван «Вязники».

Пятигорск. Ещё в XVIII веке к целебным источникам, находящимся на склоне горы Машук, где теперь расположен Пятигорск, стекались больные. Вначале они жили в палатках и кибитках, так как домов там ещё не было. В 1812 году стали строить дома, и было основано небольшое поселение, названное Горячеводском, благодаря горячим целебным источникам. Приток больных с каждым годом увеличивался. Посёлок разрастался и в 1830 году получил новое название — Пятигорск.

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

ЛИСТЬЯ И ВЕТВИ

Весною ветви деревьев покрываются листвою не все одновременно, а в определённом порядке.

Общий закон состоит в том, что прежде других покрываются листьями ветви, которые расположены ближе к корню и к стволу. Проходит от одного до двенадцати дней (в зависимости от породы дерева), прежде чем листья появляются на периферических ветвях дерева. Запоздывание это составляет для дуба, лещины, тополя, платана 1—3 дня; для липы, ясеня—6—9 дней; для бука—9—12 дней. В течение этих промежутков деревья стоят с обнажёнными верхушками и голыми краевыми ветвями.

При осеннем листопаде происходит обратное явление: листья, появившиеся раньше других, осенью желтеют и опадают позже.

СКОЛЬКО ВЕСИТ МЕДВЕЖОНОК?

Борьба за существование привела к чрезвычайно своеобразным биологическим особенностям у животных. Так например несмотря на свой громадный рост медведица родит медвежат, вес которых колеблется обычно в пределах 0,5—1 килограмма. Вес новорожденных соболей достигает 30—32 граммов, хорьков—10 граммов, а ягнят домашних овец — до 3 килограммов. Если сравнить вес новорожденных с весом их матерей, то окажется, что вес медвежонка составляет 0,34% веса медведицы, вес соболя — около 2,8% и вес ягнёнка—7,5%.

Очень интересен и прирост новорожденных в весе за первую декаду их развития: хорьки прибавляют в среднем 2,4 грамма в сутки, соболички—10 граммов, медве-

ди—2,5 грамма и ягнята—180 граммов.

ТИГРЫ И ГОЛУБОЙ ЦВЕТ

Зоологический институт в Бомбее (Индия) провёл интересные опыты в отношении определения восприимчивости животных к тому или другому цвету. В результате длительной экспериментальной работы удалось установить, что тигры и другие хищники кошачьей породы проявляют непреодолимую антипатию к голубому цвету.

Это открытие нашло своё практическое применение в том, что все стены и заборы вокруг мест, предназначенных для домашних животных, были окрашены в яркоголубой цвет: этим способом удалось совершенно обезопасить от нападения хищников хлывы, конюшни, курятники и пр.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

НА СЕДЬМОМ НЕБЕ

В древнем Вавилоне число «семь» было священным. Оно обозначало семь небесных светил, по которым звездочёты предсказывали судьбу людям. В Вавилоне находился громадный языческий Храм Бэла—верховного божества, олицетворявшего собою солнце. Храм состоял из семи квадратных ярусов, расположенных один над другим. В седьмом, самом высоком ярусе находилось главное святилище Бэла — чертог, таинственное жилище божества. Сюда допускались только избранные люди — жрецы. По их сказаниям, Бэл сходил иногда по ночам в своё святилище для временного отдыха. Отсюда и произошло выражение «быть на седьмом небе», то есть испытывать высшую степень блаженства.

Ответственный редактор М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А8667.

2½ печ. л.

Подписано к печати 27/IV—44 г.

Изд. № 231.

Тираж 100 000.

Заказ № 692.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

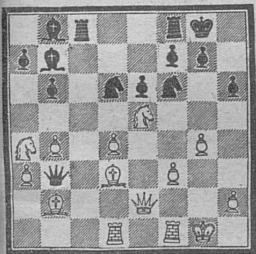

О ЦЕЙТНОТЕ

Известно, что в серьёзной турнирной игре бичом шахматиста является так называемый цейтнот, или недостаток времени на обдумывание ходов. Нерациональное использование времени в начале партии приводит к тому, что в наиболее ответственный её момент шахматист должен играть в молниеносном темпе, заботясь лишь о том, чтобы до падения контрольного флажка на часах успеть сделать необходимое число ходов.

Некоторые шахматисты теряют самообладание, делают грубые ошибки. Другие реагируют на цейтнот по-иному: соблюдая хладнокровие, они ведут игру без заметных ошибок.

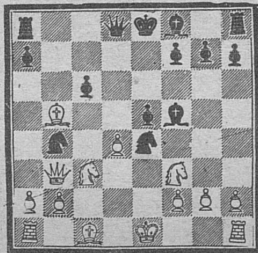
Такая исключительная выдержка была продемонстрирована чемпионом США Решевским в его партии с Левенфишем (Ленинград, 1939).

В этой позиции положение белых (Решевский) весьма тяжёлое: после хода Левенфиша 21... Фd5—b3 грозит выигрыш фигуры, а между тем времени на обдумывание оставшихся 19 ходов у белых осталось всего лишь 2—3 минуты.

Игра развернулась далее так: 22. Кa4—c5! b6:c5; 23. d4:c5, Kf6—d5! 24. c5:d6, Kd5—f4; 25. Fe2—e3! (Лучший ход. Сразу проигрывает 25. Фd2, K:d3; 26. K:d3, Jc2) Фb3:b2; 26. Fe3:f4. (До контроля остались считанные секунды. Вся дальнейшая игра со стороны белых идёт в молниеносном темпе). Сb8:d6. 27. Cd3—h7+ Kpg8:h7; 28. Jd1:d6. Jc8—c2; 29. Фf4—g3, Сb7—d5. 30. g4—g5, h6:g5; 31. Kpg1—h1, f7—f6? (Чёрные, находясь, очевидно, под гипнозом цейтнота противника, делают решающую ошибку, выпуская верную победу. Легко выигрывало 31... Jc1). 32. Jd6:d5! e6:d5; 33. Фg3—h3+, Kph7—g8; 34. Фh3—e6+— вечный шах. До контрольного хода не дошло!

Следующая позиция показывает, как расточительно иногда расходуется время в начале партии:

Это положение получилось в партии Белавенец (белые) — Лисицын (чёрные) (Тбилиси, 1937) после следующих ходов: 1. d2—d4, Kg8—f6; 2. Kgl—f3, d7—d5; 3. c2—c4, Sc8—f5; 4. Фd1—b3, Kb8—c6; 5. Kbl—c3, e7—e5; 6. c4:d5, Kc6—b4; 7. e2—e4, Kf6:e4; 8. Cf1—b5+, c7—c6. 9. d5:c6, b7:c6.

Сделано всего лишь девять ходов, а два знатока дебютной теории затратили на обдумывание их около 3

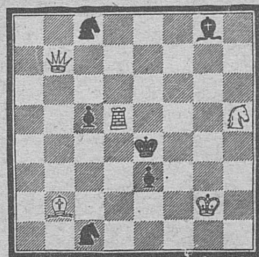
ЧУДЕСНЫЕ КРИСТАЛЛЫ

После французского аптекаря Сегнета, умершего несколько столетий назад в городе Ла Рошель, осталось небольшое наследство: горькая соль, которую он открыл, приготавливая лекарства. Но этого достаточно, чтобы человечество никогда не забыло имени маленького аптекаря. Если взять пластинку, вырезанную из кристалла сегнетовой соли, и слегка ударить её каучуковым молотком, на гранях пластинки появляется электрический заряд с напряжением выше 2 тысяч вольт.

с половиной часов времени! Причиной такого долгого раздумья явился ход чёрных 3. Sc8—f5, новый для данной позиции.

И всё же позиция на диаграмме явилась результатом грубого просчёта со стороны чёрных, так как после 10. Kf3:e5, Cf5—e6 последовал непредвиденный ими ход 11. Ke5:c6! после которого они остались без двух пешек и с явно безнадёжной игрой!

Задача
Е. И. Умнов
Действующая армия

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

Эту способность некоторых кристаллов преобразовывать механическую энергию в электрические заряды назвали пьезоэлектрическим эффектом, и ни одно вещество в мире, известное учёным, не обладает этим свойством в такой степени, как сегнетова соль. Из неё делают теперь микрофоны, телефоны, громкоговорители, приспособления для записи звуков и массу других приборов, применяемых во всех областях техники. Контактный микрофон с сегнетовой солью отличается такой чувствительностью, что если его приложить на улице к стене здания, то можно услышать, о чём говорят внутри дома. Этот сверхчувствительный микрофон улавливает звуки, производимые жуками, грызущими растения на далёких плантациях, и сигнализирует на большие расстояния о появлении вредителей.

Из сегнетовой соли делают отличные громкоговорители, чрезвычайно простые, лёгкие, без искажений воспроизводящие звуки человеческого голоса и музыки.

Американский инженер-изобретатель Армстронг сказал как-то: «Глядя на эту голую крошечную пластинку, лежащую на столе и поющую, плачущую и говорящую человеческим голосом, невольно кажется, что здесь не обошлось без участия нечистой силы!»

Но сегнетова соль — нестойкое вещество: на неё очень сильно влияют температура, влажность окружающего воздуха, удары. Более двадцати лет учёные стараются получить из сегнетовой соли пьезоэлектрические элементы, не боящиеся ни холода, ни жары,

ни влажности. Замечательным решением вопроса оказалось применение золота. Золотые пластинки толщиной около 0,0001 миллиметра кладутся на влажную поверхность сегнетовой соли, и когда она высыхает и рекристаллизуется, между золотом и солью создаётся исключительно прочная связь. Эти пластинки сейчас с большим успехом применяются в самой разнообразной звуковой аппаратуре, начиная с наушников радиостанции и кончая приспособлением, позволяющим довольно хорошо слышать людям, едва улавливающим паровозный гудок.

Приборы с сегнетовой солью оказывают большие услуги врачам. На некоторых заводах несмотря на все усилия не удаётся полностью устранить присутствие газов, влияющих на сердечную деятельность. Человек, сам того не замечая, вследствие расстройства кровообращения, несколько теряет способность владеть своими чувствами и может сделать ошибку.

В течение дня люди, выполняющие особо ответственную работу, несколько раз «выслушиваются» прибором с сегнетовой солью. И когда наступает опасный момент, стрелка прибора становится на слово «отдых».

Микрофон с сегнетовой солью позволяет с необыкновенной отчётливостью различать звуки в области груди и живота. Пользуясь двумя микрофонами, врачи следят за пульсацией крови по ходу артерий. Большие возможности эти приборы представляют при «выслушивании» костей.

Инж. А. Морозов.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. Г. СОКОЛОВ (г. Мытищи)

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Сборник рисунков.
2. Учебное пособие.
3. Крупный населённый пункт.
4. Безомыслие.
5. Продукт, употребляемый в пирожарии.
6. Фамилия изобретателя в области связи.
7. Наркотическое средство.
8. Фамилия изобретателя в области связи.
9. Архитектурное строение.
10. Жыкенское имя.
11. Цветок.
12. Писатель.
13. Надворное строение.
14. Мысль, выраженная словами.
15. Устарелый обычай у восточных народов.
16. Отравление окисью углерода.
17. Жировое вещество.
18. Шалуния.
19. Человек, обладающий красноречием.
20. Труд.
21. Воплощение совершенства.
22. Сооружение для подземных работ.
23. Углекислая соль.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Представитель одного из народов, живущих в Северной Африке и Азии.
2. Минерал.
3. Приветствие.
4. Наркотическое средство.
5. Руководитель, вожак.
6. Зерновой продукт.
7. Продукт питания.
8. Сборник деклассифицированных элементов.
9. Английский астроном.
10. Прimitивный способ наружного освещения.
11. Название оперы.
12. Человек, выдающийся отцами и мужества.
13. Войско.
14. Шаблон.
15. Цветок.
16. Восвоящая речь.
17. Часть упряжки.
18. Сорт яблок.
19. Смазочное вещество.
20. Жадный, корыстолюбивый субъект.
21. Русский самоцет.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 9—10 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Трест.
6. Кара.
7. Оксип.
9. Синоп.
11. Плита.
12. Копёр.
13. Акр.
15. Кукла.
16. Акт.
18. Мат.
19. Асс.
21. Овца.
22. Пуля.
23. Полтава.
24. Караван.
25. Аргю.
26. Атту.
27. Ванг.
30. Гак.
32. Ряд.
34. Редут.
36. Эра.
37. Атака.
38. Рутыл.
39. Улита.
40. Лион.
41. Виши.
42. Драва.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Техника.
2. Калица.
3. Тесак.
4. Топка.
5. Корпус.
8. Ипр.
10. Урал.
14. Кавалерия.
17. Кильватер.
18. Макаров.
20. Спартак.
28. Аравия.
29. Адмирал.
31. Атташе.
33. Дар.
34. Раунд.
35. Трава.
36. Эль.

«НИБЕЛУНГ» В КОЛЬЦАХ

П 2
20

Рисунок Ю. Ганфа.

1944 г.
Л. А. Р. № 455/26